

МАЙ 15 1939 г. ПОНЕДЕЛЬНИК № 27 (806) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Станского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Траурный митинг на Красной площади, посвященный памяти А. К. Серова и П. Д. Осипенко

РЕЧЬ тов. Л. З. МЕХЛИСА

От Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б)

Товарищи! Воздушная катастрофа вырвала из рядов сталинских соколов выдающихся мастеров авиации. Героев Советского Союза Анатолия Константиновича Серова и Полину Денисовну Осипенко. Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) потеряла двух своих бойцов, до мозга костей преданных делу рабочего класса, безгранично любящих свой Сталинский Центральный Комитет и великого вождя и учителя товарища Сталина. Советский народ потерял двух замечательных патриотов, любимцев народа, отдавших все свои силы, все свои лучшие качества — смелость, храбрость и летное мастерство на службу социалистической Родине.

Рабоче-крестьянская Красная Армия потеряла двух своих выдающихся воспитанников, прекрасных военных летчиков, покорителей воздушных пространств, замечательных волевых командиров. От нас всегда ушли два отважных сталинских сокола — Анатолий Серов и Полина Осипенко. До последнего дыхания они были преданы своему Народу, своей социалистической Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Они отдали свою молодую жизнь за дело партии Ленина-Сталина, за дело своего Народа.

Анатолий Серов и Полина Осипенко родились за несколько лет до Великой Октябрьской Социалистической революции. Серов — в семье уральского горного рабочего, Осипенко — в рабочей семье крестьянской украинской семьи. Товарищи Серов и Осипенко оказались в числе стальных детей, для которых советская власть открыла путь к школе, к знаниям, к науке и к светлой жизни.

Часто товарищ Серов, вспоминая свое детство, говорил: — кем бы я был, если бы не было советской власти! Это были современные мысли многих и многих миллионов советских людей, которых социалистическая революция подняла из бездн бытия на вершину благополучия и зажиточной, культурной жизни. Знатными людьми, советскими интеллигентами, замечательными летчиками. Героями Советского Союза товарищи Серов и Осипенко сделали Великую proletарскую революцию в нашей стране.

Три года и три дня — вот вся «интеллигентная» в деревенском селе Новоспаское, где родился и провел свое детство Полина Осипенко. Сейчас в этом селе, как заявила т. Осипенко на Московской партийной конференции, — 46 учителей, 100 колхозников-откосельчан Осипенко получили высшее образование, 200 колхозников обучаются сейчас в высших школах. В деревне прекрасная больница, большой радиоузел и звуковое кино на 550 мест.

Так социалистическая революция изменила лицо прежней деревни, так до основания перепахана советская земля. Анатолий Серов и Полина Осипенко росли вместе со страной советов. Биографии советских людей тесно связаны с победами социалистической индустриализации, с победами колхозного строя. Великий преобразователь нашей родины товарищ Сталин создал могущественную авиационную промышленность, открыл советский народ — в прямом и переносном смысле этого слова — и привил нашей молодежи любовь к авиации.

Восток — на ответственном участке охраны Советских рубежей — товарищ Серов проявляет себя талантливым летчиком-истребителем и вскоре назначается командиром истребительного звена. Товарищ Серов — человек кипучей энергии и сталинской непреклонной воли. Он быстро добивается, чтобы в социалистическом соревновании авиационных частей Дальнего Востока его звено заняло первое место.

Анатолий Константинович непрерывно совершенствуется в летном деле. В 1935—1936 годах он учится на командном факультете Военно-воздушной академии имени Жуковского. После учебы в академии Рабоче-Крестьянская Красная Армия получает в лице тов. Серова высококультурного, талантливого командира. На практической работе тов. Серов проявляет себя блестящим командиром-организатором. В 1937 году Правительство награждает тов. Серова орденом Красного Знамени за проявленную доблесть и исключительные летные мастерство. В том же году за выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке Анатолий Константинович награждается вторым орденом. В 1938 году товарищ Серов с большевистской настойчивостью и особыми летными искусствами выполняет специальные задания нашего Правительства. За проявленный героизм Советское Правительство присваивает тов. Серову звание Героя Советского Союза.

Товарищ Серов — пороклассный военный летчик. Он любит военное дело, он летит с любовью к своему делу и часто сам называет себя «летчиком войны». В речи на параде 1 Мая Народный Комиссар Обороны СССР, маршал Советского Союза товарищ Ворошилов говорил: «Наш народ любит мир, ценит его великие блага и борется за мир во всем мире. Но он умеет и воевать. И не только умеет, но и любит воевать». С большим основанием эта характеристика относится к товарищу Серову, который сконцентрировал в себе эти качества советского народа.

Полина Осипенко — полнокровная дочь украинского народа. Настойчивость, скромность, решительность — неизменные качества Полины Осипенко. Сквозь все преграды молодая девушка пробивает себе путь в летную школу. Никто не помнит Полину Осипенко унылой и печальной. Окончив Севастопольскую авиационную школу, Полина продолжает совершенствоваться в летном деле и увлекается высотными полетами. Она ползает в такую заоблачную высоту, куда не летала ни одна женщина в мире.

Один за другим побивает товарищ Осипенко международные женские рекорды. В 1937 году в течение трех дней она побивает три международных рекорда выносливости полета. В 1938 году Полина Осипенко совершает блестящий прыжок на гидросамолете по маршруту Севастополь—Архангельск, от Черного до Белого моря. В том же 1938 году неутомимая Полина Осипенко совместно со своими подружками товарищами Гризодубовой и Расковой на легендарном самолете «Родина» без посадки пролетает около 6.000 километров, от Москвы до таежного района вблизи Комсомольска.

За один год эта выдающаяся женщина — командир Рабоче-Крестьянской Красной армии пересекает нашу великую Родину от края до края, с юга на север и с запада на восток. Полеты Осипенко вызывают восхищение во всей нашей стране, во всем мире. С особым искусством, эластичностью Осипенко управляет самолетом. Лучше всего она чувствует себя в воздухе. Пять женских международных рекордов завоевала за короткий срок тов. Осипенко. За выдающиеся заслуги и участие в войне и в результате этого потенциальные силы Советского Союза возрастут.

Полина Осипенко награждена Правительством Советского Союза тремя орденами, ей присвоено звание Героя Советского Союза. Полина Осипенко уже начала мечтать в последнее время о новом беспосадочном перелете по маршруту Москва—Северный полюс — Америка. Не удалось пламенной патриотке осуществить эту мечту. Преждевременная смерть вырвала героическую советскую женщину из наших рядов.

Полина Осипенко не только отличный военный летчик и героиня советского народа, Полина Осипенко прекрасная коммунистка и обладает тем качеством скромности, которое украшает большевика. Партия для Полины Осипенко — превыше всего. Она гордилась тем, что ей выпало счастье быть делегатом XVIII съезда нашей коммунистической партии и слушать исторический доклад великого Сталина. Особенно трогательно товарищ Осипенко говорила о том приеме, который был оказан героическому экипажу самолета «Родина» Центральным Комитетом партии, Советским Правительством и лично товарищем Сталиным. Рассказывая о своих впечатлениях в связи с перелетом «Родины», рассказывая о дружбе народов нашей страны, Полина Осипенко сказала на Московской партконференции: «Когда мы ехали по реке Амгунь и в экспрессе с Дальнего Востока, мы видели, как сплочен советский народ вокруг нашей коммунистической партии, какая у народа большая любовь к тому, кто учит нас этой дружбе, — беззаветная любовь к нашему дорогому, любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину».

Жизнь Анатолия Серова и Полины Осипенко является примером того, как советский народ любит свою замечательную социалистическую Родину, свою великую партию Ленина-Сталина. По Полине Осипенко и Анатолию Серову скорбят сегодня не только на Красной площади. На полях родная Москва, весь Советский Союз прощается сегодня с двумя прекрасными командирами Рабоче-Крестьянской Красной Армии, замечательными патриотами социалистической Родины.

Товарищи Серов и Осипенко — воспитанники Красной авиации, воспитанники военно-воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Лишь недавно на первоммайском параде неукротимый рыцарь воздуха товарищ Серов вел над Красной площадью семеру истребителей. Сегодня товарища Серова не было в воздухе. Сегодня нет в живых Анатолия Серова и Полины Осипенко. Но есть великая советская авиация, которая воспитывает таких безстрашных соколов и мастеров летного дела, как товарищи Серов и Осипенко. Такая авиация постоянно побеждает!

Великие крылья Советов находятся в могучих руках сталинских соколов. Они чувствуют за своей спиной 170-миллионный советский народ, для них воля партии и советского Правительства — высший закон их жизни. Мы глубоко скорбим сегодня о гибели при исполнении служебных обязанностей Героев Советского Союза Анатолия Константиновича Серова и Полины Денисовны Осипенко. Работать на славу своей Родины так, как работали Анатолий Серов и Полина Осипенко, любить свою великую партию Ленина — Сталина так, как любили Анатолий Серов и Полина Осипенко, — значит отдать себя целиком и безраздельно на службу Народу.

Великий советский Народ и его непоколебимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия склоняют сегодня свои боевые знамена над прахом двух погибших героев. Прошайте, дорогие товарищи и друзья! участие в войне и в результате этого потенциальные силы Советского Союза возрастут.

Полина Осипенко была выдающимся представителем нашего героического народа, пламенной патриоткой, до конца преданной великому делу партии Ленина — Сталина. Трудящиеся Москвы хорошо знают Полину Осипенко как военного летчика и как неутомимого пламенного агитатора за укрепление обороноспособности нашей родины. На фабриках и заводах, на партийных собраниях и конференциях звучал ее голос призыва к овладению военными знаниями. Ее личный пример обладал чудесной притягательной силой для советских людей, на ее замечательных подвигах воспитывались и будут воспитываться миллионы молодых патриотов нашей родины. Полина Осипенко была активным работником Московской большевистской организации. Она участвовала в работе областного и городской партийных конференций, была избрана московскими большевиками делегатом на XVIII партийный съезд и еще совсем недавно на пленуме Московского городского Комитета партии произнесла яркую речь, в которой призвала большевистских стальных детей работать над укреплением обороны нашей социалистической родины. Славная жизнь прожита погибшими героями. Выйдя из самых народных глубин,

14 мая в Москве на Красной площади состоялись похороны Героев Советского Союза комбрига А. К. Серова и майора П. Д. Осипенко, погибших в результате воздушной катастрофы. На снимке: траурная процессия на Красной площади. Несут урны (справа налево): товарищи Локтионов, Сталин, Горкин, Андреев, Шевченко, Попов, Мехлис и Молотов. (Фотохроника ТАСС).

они воплотили в себе лучшие черты нашего великого народа — его беззаветную, революционную энергию, его талантливость, его жизнестойкость и скромность. Это были простые советские люди, близкие и родные, полнокровные народные герои. Наши военные летчики, как и весь наш народ, несут и любят мирный труд. Изучая и совершенствуя военную технику, они отстаивают дело мира. Но наши летчики, как и весь наш народ, умеют и

патриотов на смелость, дерзавши, на новые героические дела. Славные традиции сталинской авиации будут крепнуть и преумножаться. Образ народных героев навсегда останется в памяти народа. Товарищи Анатолия Серова и Полину Осипенко — гордых соколов советской авиации, безгранично преданных партии Ленина — Сталина — никогда не забудет советский народ!

любят воевать. Их боевые машины несут гибель тем, кто осмелится переступить границы нашей родины. Слова наших летчиков, гремящая по всему миру, — есть олицетворение силы и мощи нашей советской авиации, силы и мощи Красной армии и грозное предупреждение врагам Страны Советов. Мы прощаемся сегодня с двумя прекрасными соколами нашей родины. Их уже нет среди нас, но подвиги их живут, живут и вдохновляют советских

Речь Героя Советского Союза тов. В. И. ШЕВЧЕНКО

От летчиков и Героев Советского Союза

Товарищи! Весь советский народ, вся Красная Армия переживают великую скорбь. На боевом посту, при исполнении служебных обязанностей, в результате воздушной катастрофы, погибли два Героя Советского Союза, смерть вырвала из наших рядов двух замечательных военных летчиков, двух командиров нашей советской авиации — Анатолия Серова и Полину Осипенко. Безмерно тяжела утрата.

Комбриг Анатолий Серов и майор Полина Осипенко были примером мужества и героизма, были примером беззаветного служения нашей великой социалистической родине. Молодые, сильные, смелые, они отдали всю свою молодую жизнь советскому Народу, свету нашей социалистической родине. Подвиги нашей большевистской партии и легендарного-сталинского комсомола Анатолий Серов и Полина Осипенко в рядах военно-воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии достигли осуществления своей заветной мечты. Они стали летчиками, летчиками-героями. Их имена стали символом безмерной боевой отваги, высокого патриотизма советских людей. Товарищ Сталин учит нас, что смелость

и отвага — это только одна сторона героизма. Другая сторона, не менее важная — это умение. Этими качествами в их сочетании в полной мере обладали Герои Советского Союза Анатолий Серов и Полина Осипенко.

Тяжело переживать потерю этих замечательных мастеров летного искусства. Еще тяжелее переживать утрату товарищей, дружба с которыми приобретена многими годами совместной упорной борьбы с воздушной стихией. Мне пришлось рядом с Анатолием Серовым выполнять опаснейшее задание нашего советского правительства. Он совершил прекрасные героические подвиги, показал, как нужно бороться за дело нашей великой родины. Он был не только прославленным летчиком, но и блестящим командиром-организатором. Мы шли за ним в полной уверенности, что Серов укажет путь к победе. «Серов в обиду не даст», — всегда говорили о нем боевые товарищи-летчики. Его мастерство летчика-истребителя достигало особого уровня, когда он бросался на вырубку товарищей.

Во все, что он делал, Серов вкладывал всю свою душу. Он был поистине храброй и смелой, храбрости разумной, трезвой великодушной храбрости народа, любящего и умеющего воевать. Он жил не долго. Ему было всего 29 лет. Но жизнь его до края была наполнена кипучей работой, большевистскими славными делами.

Нет больше среди нас хороших друзей, гордых сталинских соколов нашей родины. Прошайте, дорогие друзья и товарищи! Прошайте, любящих советского народа и асей Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Прошайте, любимые Сталина! Мы, Герои Советского Союза, и все летчики нашей великой страны, вся Красная Армия склоняем свои боевые знамена над вашим прахом. Клянемся, что мы будем беззаветно следовать нашему могучему советскому Народу, нашей славной большевистской партии, нашему великому вождю товарищу Сталину. Мы еще шире расправим свои крылья и устремимся ввысь, чтобы в труде, в учебе, в бою вырастить новые тысячи смелых, неустранных героев, какими были Анатолий Серов и Полина Осипенко.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Всю ночь продолжалось прощание трудящихся столицы с любимыми народом Героями Советского Союза Анатолием Серовым и Полиной Осипенко. Утром в Колонный Зал Дома Советов, как и накануне, начали стекаться тысячи людей.

В одной из первых смен почетного караула стояли начальник Военно-Воздушных сил РККА командир 2-го ранга А. Д. Локтионов, муж погибшей летчицы — Герой Советского Союза Александр Осипенко, ее подруги — Герои Советского Союза Валентина Гризодубова и Мария Раскова, капитан Вена Ломако.

В течение дня почетный караул несли: командир 2-го ранга О. П. Каролюк, армяноарист 2-го ранга В. Ульрих, секретарь МК ВКП(б) Б. Н. Черновосов, секретарь МК ВКП(б) Г. М. Попов, Герои Советского Союза т.т. Смущевича, Лавров, Шевченко, Спирин, Данилин, Беляков, Духин, Володьков, Шелест, Алексеев, Селенев, Яппиевский, народная артистка СССР А. А. Яблочкина, заслуженный деятель искусств П. Н. Берсенева, Елюкия и Мария Виноградова, Татьяна Федорова и др.

16 часов. Доступ в зал прекращается. Здесь остаются лишь родные и близкие друзья погибших. Коротки последние минуты прощания. Все чаще сменяется почетный караул. Вот близ урн становятся Герои Советского Союза т.т. Молоков, Юмашев, Широков, Мазурук, Дорони, Левченко... 16 часов 30 минут. Члены правительственной комиссии по похоронам, Герои

Советского Союза, друзья поднимают трудящихся катафалки и бережно несут их в зал строгого строя почетного воинского караула. Траурная процессия направляется на Красную площадь.

16 часов 55 минут. Вот уже совсем близко раздаются звуки траурного марша, и печальная процессия вступает на Красную площадь. Впереди — множество венков. Склонены боевые знамена в руках Героев Советского Союза т.т. Смущевича, Селенева, Яппиевского. Вслед за портретами Анатолия Серова и Полины Осипенко на пуנוвых шелковых полусапожках несут ордена, которыми были награждены комбриг Серов и майор Осипенко за выдающиеся заслуги перед родиной, перед Народом.

Слышится отдаленный рокот моторов. И вот над Красной площадью появляются эскадрильи боевых самолетов. Это — друзья провожают погибших пилотов в последний путь, отдают им прощальный салют.

На Красной площади траурные катафалки принимают руководители партии и правительства, которые устанавливают останки замечательных летчиков на постамент против мавзолея Ленина. На трибуну мавзолея поднимаются товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, т.т. М. М. Каганович, Калинин, Андреев, Микоян, Жданов, Шверник, Берия, Маленков, Булганин, Мехлис, Шербаков, Ярославский.

Шверник, М. М. Каганович, Булганин, Фазеев, Лозовский, Попов, Герои Советского Союза Александр Осипенко, Шевченко, Гризодубова, Раскова и другие.

Ровно в 17 часов тов. Н. А. Булганин открывает траурный митинг. От имени Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) выступает заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга тов. Л. З. Мехлис.

Затем слово предоставляется секретарю МК и МК ВКП(б) тов. А. С. Шербакову, выступавшему от трудящихся Москвы и Московской области. От имени летчиков и Героев Советского Союза произносит речь боевой сподвижник Анатолия Серова — Герой Советского Союза полковник В. П. Шевченко. Траурный митинг окончен. Руководители партии и правительства во главе с товарищем Сталиным представители высшего военного командования, Герои Советского Союза бережно поднимают катафалки и направляют их к Кремлевской стене.

17 часов 30 минут. Герой Советского Союза Александр Осипенко устанавливает в нишу урны с прахом своей боевой подруги, заместитель наркома обороны тов. Л. З. Мехлис — урну с прахом Анатолия Серова. Древняя стена Кремля навсегда приметла останки народных героев. Гремит прощальный оружейный салют. Оркестр исполняет «Интернационал». Вслед за ними в боевом порядке проходят перед мавзолеем, воздавая честь погибшим командирам Красной Армии, чьи имена всегда будут храниться в памяти народа.

От Вальми до Мюнхена

Четвертого марта Морис Торес выступил в Аррасе, на родине Робеспьера, с большой речью, посвященной великому якобинцу. Торес привел выдержки из его речей и докладов. «Мир народам, всем народам. Война — тирании, всем тираниям», — говорил Робеспьер. «Те, кто организует войну против народа, чтобы затормозить прогресс, чтобы унижить человеческие права, должны преследоваться всеми не как обычные противники, а как убийцы, как презренные негодяи».

Об этом же напоминает французским парламентариям и Ромэн Роллан в своем историческом очерке, посвященном знаменитой битве при Вальми, битве, где молодая армия французской революции разгромила войска контрреволюции, войска прусских интервентов в 1792 году. Об этой битве великий Гете сказал: «С этого дня в этом месте началась новая эпоха всемирной истории». Напоминание о Вальмийской битве, Ромэн Роллан обращает к своим современникам: «Сыны революции, мои современники, способны ли вы еще без смущения и страха слышать эти гордые отзывы вальмийской канонады?» В своем приветствии конференции французской коммунистической партии в конце января 1939 года Ромэн Роллан писал: «Франция желает мира, основанного на справедливости и уважении договоров. Однако, если мир будет нарушен и враг нападет на Францию, французский народ напомнит о Вальми».

Детям французского правительства, забывшим и предавшим лучшие традиции французского народа, об этих традициях напоминают представители народа, представители французской интеллигенции. В конце марта коммунист депутат Жак Дюкло сделал в Париже большой доклад о Парижской коммуне. Говоря о героических традициях Коммуны, Дюкло напомнил: «Не забывайте, товарищи, что знания Парижской коммуны, под которым скрываются парижские рабочие, находится в мавзолее Ленина». Дюкло говорил о том, что в трагические дни 1870 года руководители французского правительства Тьер, Жюль Фавр и другие выступили в союзе с пруссаками против французского народа. Жюль Фавр, которого при общем смехе собравшихся Дюкло назвал Фланделом той эпохи, в своем письме к Гамбетте писал, что следует записаться не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Жюль Фавр, министр иностранных дел, проголосясь заявил, что он не уступит пруссакам ни одного камня из парижских крепостей, ни одного клочка французской территории. И этот же Жюль Фавр сдал Париж пруссакам, капитулировал перед Бисмарком, выступил против народа. Дюкло напомнил о замечательном историческом факте, протестовавшем против захвата Эльзаса и Лотарингии, был бегемский сейм, который из Праги прислал протест против немецкой оккупации. Об этом особенно следует вспомнить, говорил Дюкло, когда сейчас французские уполномоченные в Мюнхене согласились с тем, чтобы Чехословакия была захвачена на карте мира как самостоятельное государство. Только истинные представители французского народа, французские коммунисты отказались ратифицировать мюнхенское соглашение, только они спасли честь французского народа.

Вель и к ней, одной из первых трех женщин — Героев Советского Союза — были обращены слова товарищей Сталина и Молотова: «Ваша отвага, хладнокровие и высокое летное мастерство, проявленные в труднейших условиях пути и посадки, вызывают восхищение всего советского народа. Гордитесь вами и от всей души жемем ваши руки».

В верхних комнатах у нас в тот вечер располагалась выставка графики. Кто-то спросил Полину Осипенко, любит ли она графику? Она ответила просто: «Я еще не очень знакома с этим искусством». Около некоторых графов она останавливалась подолжее. «Хорошо здесь передана природа... деревья, облака на небе», — сказала она в ответ на мой вопрос, нравится ли ей эта вещь. «Небо, когда на него смотришь с земли, именно такое», — добавила она и, вспоминая что-то, чуть усмехнулась про себя. Осматривая наши гостиные, она сказала: «А вам тут, похоже, тесновато» — коллектив у вас тоже большой», — и улыбнулась довольной, радужной улыбкой человека, который умеет видеть коллектив и хорошо знает его силу.

У нас решено было никоим образом не напечатать нового Героя Советского Союза, что мы хотели послушать ее речи: уж наверняка за эти дни ей успели надоесть речи и выступления. Но она только почувствовала наше общее желание и заговорила сама. Это была возмущающая речь человека к своему счастью — выполненное слово, данное товарищу Сталину, партии, всему советскому народу. Полина рассказывала, как приближалась к Москве, три летчицы-героини мечтали о встрече с вождем народов товарищем Сталиным. «Думалось мне, как мы обнимем его...» — говорила она, сжимая на груди свои маленькие искусные и смелые руки, и такая беспредельная горячая любовь, преданность и восторг звучали в ее голосе, сияли в глазах, в каждой черте ее молодого счастливого лица!

Рассказывая о том, как встречал советский народ героический экипаж «Родины», Полина Осипенко не омаждала вспоминала о школьниках, об их песнях и приветиях, об их восторге детским любопытством.

— И все же какие же неумолимые... случалось, на станцию мы поздно прибывали... Уже второй час ночи, деточкам спать пора, а они вместе с родителями нас встречать пришли...

Это простое слово «деточки» произнесено было с мягкой материнской нежностью — и бесстрашный военный летчик, прославившийся всем миром Герой Советского Союза, Полина Осипенко стала нам еще ближе: так ярко и гармонично в ней в тот момент было это соединение высокого мужества и силы с чисто женской естественностью, чистотой и нежностью души.

Она погнала от воздушной катастрофы на своем посту. Ее уже нет, замечательной советской женщины, одной из первых женщин — Героев Советского Союза. Но жизнь ее, чудесная трудовая жизнь, полная бесстрашных подвигов, светлого разума и преданности великому делу Ленина — Сталина, будет вдохновлять на дерзания и подвиги еще многих и многих будущих летчиц и летчиков во славу нашей великой, прекрасной родины.

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» И «ПЕТР I» НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Турция всегда проявляла большой интерес к русской литературе. Но если произведения русских классиков не раз издавались в переводе на турецкий язык, то к современной советской литературе турецкие читатели знакомы хуже. Долгое время в Турции были известны лишь отдельные рассказы Горького, Зорге, и лишь недавно появились на турецкий язык два крупных произведения советской литературы — «Поднятая целина» Михаила Шолохова и «Петр I» Алексея Толстого. Издание в Турции этих книг — несомненно доказательство укрепления культурных связей между Советским Союзом и Турцией.

«Поднятая целина» — первый большой роман советского писателя, появившийся на турецком языке. Переводчик Мустафа Нихад проделал серьезную и сложную работу, стремясь передать на турецком языке все образы и понятия, свойственные советской действительности. В общем, он удовлетворительно справился со своей задачей. Однако есть и досадные промахи в этой большой работе. К их числу относятся: не удачная во многих случаях передача на турецком языке советской политической терминологии. Например, «земельный переводчик», как «секция земельного переводчика», и т. д. Особенно не повезло слову «партия», которое переводится то как «красный», то как «партийный», то «партия», и только в одном месте стоит «красный партизан» с правильным объяснительным примечанием. Все подобные термины должны были бы сопровождаться примечаниями, отсутствие которых является одним из серьезных недостатков перевода.

Переводчик пользовался не русским текстом оригинала, а его французским переводом. Русские имена вслепую второго переделаны на французский лад: Тимоть вместо Тимофей, Андре вместо Андрей и т. д. Фамилии мужчин и женщин

дано с одним и тем же окончанием (например, Лапшиноф), в силу чего не всегда понятно, о ком идет речь. Несмотря на эти недостатки, перевод в целом не настолько отступает от русского текста, чтобы его нельзя было не признать удовлетворительным.

«Петр I» Алексея Толстого перевел Насухи Вайдаром. Под названием «Петр Великий», роман этот печатался еженедельно в турецком офицерском «Улус» с февраля по июль прошлого года.

Перевод «Петр I» вышел с сокращениями, причем, как это обычно бывает в таких случаях, нарушилась художественная целостность романа. В этом переводе также встречается неточная передача или искажение текста оригинала. Прочла изображение старинной русской речи, так хорошо переданное Толстым.

Перевод богат иллюстрирован кадрами из фильма «Петр I». Однако хорошая идея использования кинокадров для формирования романа осуществлена не полностью. Некоторые иллюстрации попадают совершенно вальдорные подлины. Например, под иллюстрацией, изображающей Меншикова, «Знаменитый советский агент Меншиков в роли Петра Великого». Под портретом Екатерины (жены Петра) написано: «Екатерина Великая». Под рисунком «исполняющим» Шереметьева и Екаторяну: «Минский (?) и Янаторя (?)», хотя в другом месте под таким же рисунком стоит вполне правильная подпись.

Несмотря на то, что в обоих переводах есть существенные недостатки, мы приветствуем их появление на турецком языке. Мы надеемся, что переводчики будут и впредь знакомить широкую круг турецких читателей с советской литературой и добьются более высокого качества своей дальнейшей работы.

Н. В.

А. К. Серов и П. Д. Осипенко

О ДРУГЕ

— Давайте знакомиться, Я прибыл к вам работать летчиком-испытателем. Вместе будем жить, вместе летать.

И, улыбаясь, протянул мне руку широколицый, красивый парень, от которого так и веяло молодостью, здоровьем, жизнерадостностью.

— Анатолий Серов, — назвал он себя. — Рисуно. Значительно хуже, чем мой олофанисеп-художник. Впрочем стенгазету института оформить могу.

Так и познакомился в 1935 году с Серовым, который прибыл к нам в Научно-испытательный институт военно-воздушных сил РККА.

И введ его в курс нашей летной жизни, и он приступил к полетам на истребителях.

Анатолий пришел в институт, уже овеянный слабой доблестных полетов на Дальнем Востоке, с орденом за боевые заслуги, с теоретическими знаниями, накопленными за четыре года, с виртуозной техникой пилотирования.

Ранним утром, когда мы все выходили на наш аэродром, обычно где-то в зоне уже слышалось жужжание мотора. Подставив руку к глазам, закрывешь голову, и в далекой синеве неба видишь машину, которая по несколько раз перерываивается в воздухе, взлетает ввысь с разгоном, делает «восходящий штопор».

— Кто это там крутит? — спрашивали новички.

— Ну, конечно, Анатолий. «Давай жить», — устанавливали мы на своем особом летном языке.

И Серов действительно любил жизнь самолета, который в его опытных руках казался легкой игрушкой.

На аэродроме появилась новая машина, незнакомая Анатолию и большинству из нас конструкторов. Этот самолет предназначался для воздушной акробатики. На нем можно было делать все фигуры высшего пилотажа. Летчики знакомылись с ней осторожно, исподволь, по очереди.

Было известно, что мастера летного дела овлаивали этот аппарат продолжительное время. Серов потерял покой. Он все ходил вокруг и около этой машины, осматривал ее, шупал и выщупал.

— Эх! Вот на такой бы полетать! Наш командир Соколов смеялся: — Анатолий у меня смеяться, сорви-голова. Ну, пошлите его на эту машину, что ли?

А когда Серова допустили к ней, то увидели, что он тотчас же освоил этот сложный механизм. Он удивительно быстро знакомился с новыми машинами, постигал их конструкции.

Видно, тебя не только люди, но и машины любят, — смеялись товарищи.

А люди наши любил Анатолия Серова. Очевидно, за то, что он был всегда и со всеми — простым хорошим человеком, часто говорил с товарищами «по душам».

Капитан А. ТЯГУНИН

ЧЕСТЬ ИМ И СЛАВА!

Победоносные мировые полеты советских летчиков-героев всегда находили самый дружеский отклик в моей стране, приближенной Литовской республике, и в литовском народе, сыны которого, летчики Даркус и Гиренас, несколько лет тому назад, предприняв первый воздушный рейс США — Литва, пересекли Атлантический океан, но, к величайшему горю всего литовского народа, трагически погибли, не долетев до родных рубежей, в лесах Бранденбурга.

Великий полет славной женской тройки — экипажа «Родины» в нашем народе нашел себе тоже подобающую оценку. Первый день моего приезда в Советский Союз, предпринятого мною в целях лучшего ознакомления с культурными достижениями первой в мире страны социализма, совпал с новым радостным торжеством советской авиации — полетом Коккинаки и Гордиенко в США.

Эти великие достижения советской авиации вызывают, однако, и известные жертвы, так как и это великое без жертв не достигается. Недавно дружная семья славных советских соколов потеряла героя —

летчица Чкалова. Сегодня же одна из участниц героического рекордного женского полета «Родины», майор Полина Осипенко с боевым товарищем комбригом Анатолием Серовым после доблестных трудов своих с государственными почестями и всепартийно любовью предаются вечному отдыху в величественных стенах Кремля. Кремлевские стены, этот Пантеон славных сынов и дочерей многонационального великого советского народа, приняли прах храбрых. Оба смелых сокола пали на своем посту служения великой своей родине и всему человечеству.

Полина Осипенко и Анатолий Серов пали, но на смену им явятся другие, не менее смелые, горящие не меньшую любовью к своей родине и верою в свое великое дело, явятся и твердой, уверенной и опытной рукой повелит свои самолеты к новым победам. Пали бесстрашные, но бесстрашие их и их соотарыщей, я убежден и верю, всегда будет жить в сердцах бойцов и командиров авиации великого советского народа.

Честь им и слава!

ЛЮДАС ГИРА,
Председатель союза литовских писателей.
Москва, 13 мая.

СОВЕТСКАЯ ГЕРОИНЯ

Впервые я увидела Полину Денисовну Осипенко на всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава РККА. На трибуну вышла невысокая женщина в летной форме, плотная, широколицая, цветущая. В ее молодом, звучном голосе вначале заметно было сдержанное волнение, но скоро он окреп, стал ровен и спокоен. Она рассказывала, как пошла учиться в авиацию, как было трудно на первых порах овладевать сложностями многих наук, о которых она «прежде и понятия не имела» — «ведь я же была малолеточная».

Как многие советские люди, о преодоленных трудностях Полина Осипенко говорила с полуплавающей искренностью и простотой, с легким юмором человека-победителя. А то, что это была совсем еще молодая женщина, бывшая батрачка из украинского села, делало ее победу еще более гордой и прекрасной.

Когда она, весело вскинув по-мужски коротко остриженную голову, побоежала товарищу Сталину «летать выше всех левушек мира», голос ее зазвенел с такой радостно-уверенной силой, что весь огромный, сияющий огнями кремлевский зал увлеченно захопал ей. Лучшие советские женщины, среди которых немало было победительниц, как и Полина Осипенко, наверно думали при этом: «Такая не вылет, своего добьется!»

Известно, что Полина Осипенко выполнила все, что ей было обещано. Осенью 1936 года, как все помнят, Полина Осипенко достигла 9.100 метров высоты — так высоко еще не летала ни одна женщина в мире. В мае 1937 года Полина Осипенко в течение трех дней побивала три международных рекорда высоты!

Мне довелось прочесть воспоминания Полины Осипенко, в которых она скромно и точно называет себя «своимним человеком». Она была майором Красной Армии, отличным командиром, работу которого трудно переоценить. Она была высококвалифицированным специалистом, великим мастером любимого летного искусства.

Как характерно, в высокой степени типично для нашей действительности, что деревенская девушка заразилась мечтой именно об авиации, что в своих мечтах она увидела себя на самолете, покорителем небесных просторов, — так свободная душа всего нашего советского народа взмывала в высоту, стала широкой, гордой, уверенной в себе, жадной до жизни.

В непосредственном рассказе Полины Осипенко о самой себе раскрывается одна из самых сильных и благородных черт ее личности, опять же чрезвычайно типичная для человека социалистического общества: это — постоянная мысль о родине, о партии, неутомимое стремление всегда, каждым своим полетом служить родной Красной Армии, партии Ленина — Сталина, которые воспитали ее, открыли ее дух и волю.

Счастие родине, ее оборонную мощь Полина Осипенко представляла себе всегда ясно и конкретно: в каждом человеке, который отдает все свои силы на благо родины, заложены неисчерпаемые возможности все более укреплять ее, могучую, цветущую социалистическую державу. Как она была убеждена, так и поступала, всегда стремилась к новым, все более ответственным заданиям.

Всем нам памятный дни беспокойства за трех летчиц — Гризодубову, Осипенко и Раскову, пока шли розыски самолета «Родина». Для всех была невольником мысль о гибели отважных советских женщин.

Уверенность, что наши героини живы и должны победить, была сильнее боязни... В дни несваренной радости, что «наши девушки победили», я познакомилась с Полиной Денисовной Осипенко. В честь ее и второго члена героического экипажа Марины Расковой был устроен вечер в нашем клубе.

У Полины Осипенко была небольшая на вид, мягкая женская рука, но в ее рукопожатии чувствовалась хорошая, сдержанная сила и твердость. Запомнилась маленький лунообразный прыжок над верхней ее губой. Он призывал ее круглому свежему лицу выражение до сих пор еще не исчезнувшей полудетской шаловливости.

Она улыбалась открыто, радушно и вместе с тем застенчиво. В профиль на

румяной ее щеке был виден чутконый нежный пушок, который еще долго светился на коже особенно крепких здоровьем людей.

Здоровье, выносливость, чудесной цветущей силой так и веяло от нее. Защитного цвета летная форма очень ей шла и, против обычного, не заставляла ее казаться ростом ниже, в плечах уже и вообще хрупче, чем она была на самом деле. У нее была превосходная военная выправка, твердый шаг, точность и свобода движений.

Когда она вслушивалась в чей-нибудь вопрос, лицо ее становилось серьезным, сразу менялось, и видно было, какой у нее прямой, ясный, многоопытный взгляд. И тогда хотелось представить ее за штурвалом самолета «Родина» или в скоростном истребителе, в одной из этих грозных машин, которые, как молния, пронеслись высоко над землей.

Вель и к ней, одной из первых трех женщин — Героев Советского Союза — были обращены слова товарищей Сталина и Молотова: «Ваша отвага, хладнокровие и высокое летное мастерство, проявленные в труднейших условиях пути и посадки, вызывают восхищение всего советского народа. Гордитесь вами и от всей души жемем ваши руки».

В верхних комнатах у нас в тот вечер располагалась выставка графики. Кто-то спросил Полину Осипенко, любит ли она графику? Она ответила просто: «Я еще не очень знакома с этим искусством».

Около некоторых графов она останавливалась подолжее. «Хорошо здесь передана природа... деревья, облака на небе», — сказала она в ответ на мой вопрос, нравится ли ей эта вещь. «Небо, когда на него смотришь с земли, именно такое», — добавила она и, вспоминая что-то, чуть усмехнулась про себя. Осматривая наши гостиные, она сказала: «А вам тут, похоже, тесновато» — коллектив у вас тоже большой», — и улыбнулась довольной, радужной улыбкой человека, который умеет видеть коллектив и хорошо знает его силу.

У нас решено было никоим образом не напечатать нового Героя Советского Союза, что мы хотели послушать ее речи: уж наверняка за эти дни ей успели надоесть речи и выступления. Но она только почувствовала наше общее желание и заговорила сама. Это была возмущающая речь человека к своему счастью — выполненное слово, данное товарищу Сталину, партии, всему советскому народу. Полина рассказывала, как приближалась к Москве, три летчицы-героини мечтали о встрече с вождем народов товарищем Сталиным. «Думалось мне, как мы обнимем его...» — говорила она, сжимая на груди свои маленькие искусные и смелые руки, и такая беспредельная горячая любовь, преданность и восторг звучали в ее голосе, сияли в глазах, в каждой черте ее молодого счастливого лица!

Рассказывая о том, как встречал советский народ героический экипаж «Родины», Полина Осипенко не омаждала вспоминала о школьниках, об их песнях и приветиях, об их восторге детским любопытством.

— И все же какие же неумолимые... случалось, на станцию мы поздно прибывали... Уже второй час ночи, деточкам спать пора, а они вместе с родителями нас встречать пришли...

Это простое слово «деточки» произнесено было с мягкой материнской нежностью — и бесстрашный военный летчик, прославившийся всем миром Герой Советского Союза, Полина Осипенко стала нам еще ближе: так ярко и гармонично в ней в тот момент было это соединение высокого мужества и силы с чисто женской естественностью, чистотой и нежностью души.

Она погнала от воздушной катастрофы на своем посту. Ее уже нет, замечательной советской женщины, одной из первых женщин — Героев Советского Союза. Но жизнь ее, чудесная трудовая жизнь, полная бесстрашных подвигов, светлого разума и преданности великому делу Ленина — Сталина, будет вдохновлять на дерзания и подвиги еще многих и многих будущих летчиц и летчиков во славу нашей великой, прекрасной родины.

АННА КАРАБАЕВА.

Прекрасный подарок

Наша детвора испытывает острую нужду в хороших книгах. Дети ждут не дождутся книги о Ленине и Сталине, о Красной Армии, об авиации, о Героях Советского Союза, обо всем чудесном, что их окружает. Но Детиздат, к сожалению, меньше всего заботится о том, чтобы обеспечить юных читателей именно такими книгами.

Надо видеть, как дети слушают, когда им рассказывают о том, что их волнует. Мне привлекло быть в одной из школ, когда летчик-орденоносец т. Кошпик рассказывал о Чкалове, Ребята, заполнившие огромный зал, сидели, как затравленные. Спокойно, сердечно и упруго майор Кошпик говорил о великом летчике, и дети ловили каждое слово. В заключение он рассказал захватывающий эпизод из своей летной практики. Однако на этом беседа не окончилась. Дети начали задавать вопросы, как за что, и почему, имеет ли летчик собственные рекорды? Майор должен тут же на месте выложить все «секреты» достижений и рекордов, посвятить их во все тонкости летного мастерства. Когда майор сошел с трибуны, его окружили плотным кольцом и забросали новыми вопросами. Тов. Кошпик разъяснял ребятам, что желание быть летчиком и умение безбоязненно рисковать жизнью обусловлено учебной работой.

Прекрасная, простая, остроглазая девочка лет пятнадцати все время перебивала мальчиков, намереваясь о чем-то спросить. Наконец, она энергично выступила вперед.

— А почему это девочек не принимают в военные летные школы? — сердито спросила она.

...И вот передо мною книжка для детей Героя Советского Союза Г. Байдукова — «Встречи с товарищем Сталиным». Предлагаю себе, с каким интересом будут читать ее дети.

В первой главе рассказывается о том, как товарищ Сталин в сопровождении Ворошилова и Горького приехал отдыхать на аэродром. Скупой и ясный язык повествования оставляет достаточно простора для фантазии и звучит, как в народной сказке.

Великолепна глава «В Кремле у Сталина».

Третья глава «В гостях у Сталина» повествует о том, как Чкалов, Байдуков и Белокос, отдыхавшие на Кавказе после перелета по Сталинскому маршруту, были приглашены на обед к товарищу Сталину. Подробности этой встречи показаны Байдуковым прозрачно, тепло и без лишнего слов. Исключительно трогательно передан момент, когда товарищ Сталин приносит «дело» и укрывает им спящего Чкалова. Художественно переданы также интересные детали из прошлого любимого вождя. От них веет такой силой человечности, скромности, героизма и гениальности, что еще дороже становится читателю его великая Родина, ее люди, ее дела и ее вождь товарищ Сталин.

Книжка имеет один лишь «недостаток»: она коротка. Хочется читать еще и еще. Собственно говоря, это первая художественная, хорошая и ясная книга о Сталине, написанная для детей. Оглянись и взрослые прочтут ее с удовольствием.

Хочется поздравить т. Байдукова с его замечательной книжкой для ребят. Надеюсь, что эта книжка вызовет и у других писателей желание последовать его примеру.

Г. Байдуков, «Встречи с товарищем Сталиным». Рисунки Б. Дехтерева. Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938 г.

«Антоша Чехонте»

А. РАГОЗИН

В одной из своих критических статей Короленко заметил: «Реальная личность писателя, художника, артиста, — редко совпадает с тем представлением, какое мы составляем по их произведениям».

Быть может, самое обманчивое представление о личности писателя дает творчество Чехова.

Его произведения кажутся предельно прозрачными и ясными. Настроения, мысли и чувства писателя представляются совершенно очевидными. Читатель, не знакомый с воспоминаниями друзей Чехова и с его письмами, будет убежден, что духовный облик писателя надел элементарно простым и непосредственным выражением в его творчестве.

Между тем субъективность чеховского творчества очевидна. В отличие от современников Чехова, мы знаем, что внутренний мир писателя отразился в его произведениях не в чистой непосредственной форме, а через сложные, дважды и трижды опосредствованные пути.

Повесть А. Роскина «Антоша Чехонте», помещенная в № 12 «Красной новы», представляет собой удачную и интересную работу, позволяющую нас к самому сокровенному в духовном облике писателя. Автор только вольно касается в ней особенностей творческого метода Чехова и намеренно ограничивает свою тему формальным описанием писателя. Иначе, разумеется, и не может быть в повести, рассказывающей о годах детства и юности Чехова.

Но «Антоша Чехонте», повидимому, лишь начало большой биографической повести. И судя по опубликованным главам, судя по привлеченному автором материалу, мы вправе предположить, что «Антоша Чехонте» современник вырастет в большое произведение, воспроизводящее не только различные эпизоды жизни писателя, но и раскрывающее средствами искусства его внутренний мир и художественный метод. Уже сейчас, оставившись только на формальном описании писателя, на впечатлениях и впечатлениях, накопленных в первую половину его жизни, Роскин показывает истоки настроений, художественных вкусов и поэтического восприятия жизни, которые определили впоследствии основной характер чеховского творчества.

Текстуально некоторые главы повести А. Роскина очень близки к биографическому очерку, написанному им для детиздатского отделения издательства Чехова. Это не значит, однако, что «Антоша Чехонте» представляет собой лишь расширенный биографический очерк.

Дело даже не в том, что добавляя крупные эпизоды и мелкие детали, заменяя косвенную речь прямой и вводя описания, автор оживил изображение, придал ему картинность и наглядность. Такая внешняя беллетризация очерка несомненно удалась ему. Повесть читается с интересом, вызывает не только внимательное чтение к Чехову, но и умелым рассказом, обнаруживающим художественный вкус автора. Некоторые эпизоды, например, история продажи чеховского домика жильцу Гаврилу Парфеньичу, звучат, как мастерски рассказанные новеллы.

Но основное достоинство повести все же не в этом. Повесть интересна и важна тем, что Роскин сумел воссоздать живой и одухотворенный образ писателя.

Для того, чтобы раскрыть внутренний мир писателя, недостаточно знать историю создания его произведений, окружающую его среду, события его личной жизни. Все это лишь исходные моменты для более или менее правдивых или остроумных гипотезических построений. Гораздо важнее другое — отношение писателя к окружающему миру, впечатления, накопленные им от встреч с различными людьми, от происшедших на его глазах или в его жизни событий.

Ранние впечатления Чехова тем более интересны для нас, что он сам бесконечно дорожил ими и не раскопал их на рассказы и фелетоны начала восьмидесятых годов. В 1886 г. он начинался Гриво-

ровичу: «Писал я и всячески старался не трогать ни рассказов образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал».

Вот такие ранние впечатления писателя, образы и картины, на всю жизнь сохранившиеся для него свое поэтическое обаяние, проходят через всю повесть Роскина и оживляют созданный им образ. Роскин очень осторожно заимствует их и из переписки писателя, и из мемуарной литературы, и из отдельных его произведений, где автобиографические моменты можно считать бесспорно установленными.

В повести фигурируют персонажи, знакомые нам по тем или иным произведениям Чехова. Таков Моисей Мовсевич «Степан», таков грек Дымба из «Свадьбы» (в повести он носит настоящую фамилию — Стамати), таков Фирс из «Вишневого сада» (позар Степан в доме Дросси) и многие другие. Некоторые главы повести почти целиком построены на материале, разбросанном в чеховских рассказах. Таковы, например, главы, рассказывающие о прогулках и поездках в степь, о быте таганрогских обывателей.

В художественном произведении биографического жанра трудно не прибегнуть к интуиции там, где недостает нужного материала. Назвав свою работу повестью, Роскин тем самым оговорил свое право на художественную интуицию. Это право, однако, осталось почти неиспользованным. Автор не позволил себе прибегнуть к вымыслу во всем, что имеет хоть сколько-нибудь существенное значение для знакомства читателя с жизнью и творчеством Чехова. Не только удачные и первостепенные эпизоды, но только прямая речь всех персонажей, но даже второстепенные детали и подробности могут быть безупречно документированы.

Если автор рассказывает, что в те дни, когда отец Чехова уезжал по своим делам, «никто не прояснил поучительным голосом знакомых слов, вроде того, что «денги счет любят» или «копейка рубль бережет», — мы знаем, что здесь использованы следующие строки из «Моей жизни»: «у нас в доме часто повторяли: деньги счет любят, копейка рубль бережет». Когда Роскин пишет: «Бедность мучила Чехова, как зубная боль», мы знаем, что именно этими словами сам Чехов характеризовал свою нужду. Когда Роскин рассказывает, как редактор «Будильника» Буренин проталкивал его очерки, не желая платить гонорар, то весь диалог, без малейших изменений, он заимствует у Лазарева-Грузинского. Даже описания природы таганрогского побережья Чехова, как мотивами чеховского творчества.

Тщательный отбор материала, его достоверность и точность свидетельствуют о большом такте и правильно понятой ответственности писателя. Нелепое и вздорное сочинительство становится особенно отвратительным, когда оно проникает в жанр художественной биографии и ретуширует образы дорогих нам людей. В повести Роскина нет и следа такой развращенности. Каждая глава, буквально каждая страница этой повести дышит уважением к Чехову, совершенно несовместимым с каким бы то ни было безответственным сочинительством.

Скорее Роскина можно упрекнуть в чрезмерной осторожности при использовании источников, в слишком щепетильном, порой даже педантичном отношении к собранному материалу.

В повести недостаточно развернут, например, такой существенный момент, как начало литературной деятельности Чехова. О первых его литературных опытах автор вскользь упоминает по следующему поводу: «В доме Дросси ставились и пьесы,

сочиненные Чеховым. То были спешки и обобщения таганрогской жизни, в которых зрители часто узнавали самих себя». Это не более, как белое упоминание. А разве не очевидно, что появление первых импулсов к литературному творчеству должно занимать в биографии любого писателя одно из центральных мест.

Не упоминая в нескольких последующих главах о дальнейших литературных опытах Чехова, автор внезапно сообщает нам: «Ведь он уже много сочинял. В жаркие летние дни, лежа в саду под своей смолочившей, он придумывал сказку в стихах про какого-то Савраску. У Дросси разыгрывали его пьесы. Автором юмористической лекции о сотворении мира был он сам. В гимназическом журнале «Досу» он помещал два рассказа и едкое четверостишие на инспектора Дьяконова. Для своего журнала он придумал замечательное название «Занка»».

Слова дана информация. «Ведь он уже много сочинял!» А читателю хотелось бы знать, как он сочинял, что побуждало его сочинять, что влекло его к юмору. Не располагая необходимыми материалами, Роскин оставляет эти вопросы без ответа. Между тем, характер дошедших до нас ранних литературных опытов Чехова и отрицательное отношение его ко всему серому, провинциальному быту дает достаточно оснований показать начало литературного творчества Чехова, как естественную реакцию на босность окружавшей его жизни.

В повести почти не освещено и отношение молодого Чехова к политическим вопросам, волновавшим его современников.

Но Роскину удалось самое главное, удалось создать привлекательный образ талантливого юноши, благородного в своих стремлениях, честного в своих поступках, страдающего от окружающей его дикости и пошлости жизни. Ему удалось ввести читателя во внутренний мир юного Чехова и показать, как гармонично сочетался в нем пылкий интерес и вкус к жизни с трезвой иронией и поэтическим строем души. Ему удалось ввести нас в круг переживаний, настроений, идей и аморций писателя, которые помогают нам глубже и органичнее понимать не только раннее, но и зрелое его творчество.

«Антоша Чехонте» — не беллетризованный биографический очерк, а умная, правдиво написанная повесть, заслуживающая внимания и высокой оценки читателя.

Смоленские писатели

На периферии любят издавать книги с полиграфическим шиком: в этом есть какая-то роковая стародавняя черта провинциализма: ее родственный идет от юбилейных адресов, торжественных рапортов, ученических альбомов. В золото и колерок упряжаются звонкие и пустые оды, ягробы «заветные», но весьма неглубокомысленные думы.

Это касается не только внешнего, «вещного» блеска, но и подбор вещей, их литературного оформления.

Смоленский альманах «Родина» не избежал этой особенности. Толстый «казалемический» переплет, тиснение и золото (правда, умеренно и со вкусом) уже не оправданы потому, что бы, что делают книгу столь непомерно дорогой (8 р. 10 к.). Однако читатель, сумевший заплатить такие деньги за сборник, раскрыв его, не сразу заметит там настоящие вещи. Этому мешают дежурные оды, известные количество «обязательных» юбилейных словес, стихи, которые «отображают», и очерки, которые «отмечают» всякие местные явления и лица, пройти мимо которых в художественной литературе составители сборника сочли невозможным.

Он найдет здесь и все «необходимые» перемены и подражания мотивам, которые читатель давно встречал в литературе. Тут будут и стихи, добросовестно, но без каких-либо свежих черт и мыслей, перелаживающие историю гибели Чапаева, и стихи о парашютисте, которая «как юность в полнебеса нашу смелость пронесла», а потом «спропала», как песня, камнем изнудила с крыла». Тут будут и очерки о трех летчиках, которые «сжимали кулаки» и «драла нерушимую кляпину», и т. п.

Суть здесь не в авторах этих произведений; чувствуется, что они старались добросовестно выполнить некое задание, конкретный заказ редакции и кое-где сделали это более успешно, кое-где — поуже. Но, очевидно, если бы они выжили за свои собственные продуманные, протувствованные темы, то в их произведениях было бы больше и живого волнения, и формального совершенства, и свежести.

Но некоторые смоленские авторы счастливо разрывали этот круг. Они оказались выше и сильнее издательского заказа, показали в основном, в отличие от многих других альманахов, свою зрелость и вполне профессиональный уровень.

Смоленск, давший в свое время советской литературе А. Твардовского, сейчас выдвигает двух молодых способных писателей.

«Родина». Литературно-художественный альманах. Смоленское областное государственное издательство. 1938 г. Стр. 348. Цена 8 р. 10 к.

Поэтов — Н. Рыленкова и Д. Осина. Оба они выступают в альманахе с большими поэмами в своеобразном современном; с очень родственными друг другу средствами и на очень сложной тематике: деревня военная и во время войны; слезы бедняков, поднимавшиеся протест против угнетателей. Через обе поэмы проходит тема женской доли. В поэме Н. Рыленкова «Война» Настя выходит вперед в борьбе, в сознательной активности. В «Черных годах» Д. Осина Катерина, измученная и истощенная бесправдливой и жестокой деревенской жизнью, потерявшая сына из империалистической войны, погибает, так и не дожидаясь лучшей жизни.

Обе поэмы интересны, встречаются в них порою сильные места. У Рыленкова, поэта уже знакомого читателям, в новой поэме хорошо развернута мрачная картина деревни во время войны, народные страдания, женские слезы, молоты матерей и жен, крестьян, брошенных на бойню.

Я прощу у тебя немощного — Сократи испытанья дни. Хоть безумного, Хоть безногого, Мужа мне поскорей верни.

Однако обе поэмы неровны и кое-где несут на себе следы формальной неотделанности и торопливости в построении сюжета и в описке отдельных персонажей. Попытка дать широкое, всеохватывающее понятие жизни деревни во время войны, февраль 1917 года и начала октябрьских событий, приводит иногда Рыленкова к торопливой риторике и шаблону, к поверхностности. Тут и толстопузый, но абстрактный кулак, и традиционный елейный учитель-меньшевик, и деревенский кадет, связанный непосредственно с Милковыми. Эпоха не ведала нашла конкретное выражение. Сюжет не завершен, обрывается искусственно, и впечатление остается лишь от фона.

Поэма Д. Осина написана хорошим, энергичным и легким стихом. Она образна, хороши отдельные вставные песни. Эпизод, являющийся после гибели героини, органичен, поэтически прост и естествен.

Где ты, Катерина? В гробу-ль темном, Иль, как поп сулил тебе, в раю? Страшно мне становиться, как вспомню Я судьбу пролягнутую твою.

Самое крупное и выдающееся место в альманахе занимает исторический роман В. Аристов «Омленск». Автор показал себя зрелым и неуверенным писателем. Роман его (в № 1 альманаха печатается его первая часть) вызвал уже интересные отклики и послужил предметом обсуждения в ЦСР. По общему признанию, это будет своеобразным и любопытным произведением в советской литературе. Роман написан о постройке смоленской крепости во время Бориса Годунова, польского нашествия. Центральная фигура романа — строитель крепости мастер Конь; сюжет — его трагическая судьба.

Автор сумел не только поднять и освоить большой исторический и языковой материал, но и художественно опосредовать его, дать в ярких образах, хорошем диалоге.

Недостаток всего романа — в некоторой композиционной неслаженности. По широте охвата материала это — роман-хроника. Однако первые его две трети концентрируются вокруг основной сюжетной фигуры — Коня. В середине романа главный герой уходит со сцены, и это снижает напряженность дальнейшего изложения. В конце же романа, в эпилоге, автор, чтобы развязать все завязанные им узлы, вынужден прибегнуть просто к публицистическому перечню событий.

Интересна вещь П. Прохорова — «Терешка», сделанная без пафоса, однако, разорванная, а потом как бы собранная из кусочков и даже в подзаголовке пошла название «эпизоды». Это как бы фрагменты какой-то большой вещи.

В общем же смоленский альманах нужно издавать в дальнейшем с еще большим оправданием внешности, с большей отдачей самим вещам и большей продуманностью в их подборе. Смоленцы должны и могут сделать следующий шаг вперед — к настоящей литературе, лишенной всякой тени провинциализма.

МИХ. Л.

Азербайджанские новорочицы ткут портрет Шевченко. На снимке: т. Асланова (сидит) и мастер-портретист Зейналова за работой. Фото Константиновец.

Н. МОСКВИН

Двухцветное печатание

Идея, которая заключена в произведении, может быть старой, но если она по-новому проясняется в сознании художника, если она своеобразно сочеталась с другими, пусть тоже не новыми, мыслями, то все выглядит свежим, необычным.

Если мы говорим: «Молоток разбивает стекло», то это даже нельзя вставить ни в один учебник начальной школы, ибо ребенок задолго до школы уже знает его и будет знать до заката своих дней. Также ничего нового не даст фраза: «Молот кует железо». Но из двух трюизмов можно сделать новую, умную, поэтическую мысль:

«Так тяжкий млат, Дробь стекло, кует булат».

Печальнее, когда автор не стремится ни к новому, ни к старому, к созданию нового старого. Сюжетный мир идей, чувств, характеров становится вдруг уныло-простым, повторным, с чего-то списанным. Тогда произведение напоминает стандартное помещение. Будь то Кузнецов, Поняри, Скуратово или Минск. — мы найдем тут желтые скамейки, крытые казенной охрой, подурное ошоемю классы, вышитые платки; в будуре — бутерброды с куском сыра, от сохости приподнятой по краям. И будет тут традиционный бегущий-пассажир с позвонками слезливыми: воротник пижамы ползает и придеривается у горла левой рукой, в другой руке чайник с кипятком... Будь то Поняри, будь то Минск...

Читая роман «Братья» Г. Шолохова-Снигавского, нельзя не отделиться от чувства знакомости — подобное уже где-то читано, уже выдано в плохих фильмах 1930—1933 гг., в плохих пьесах того же времени.

Существовал тогда стандартный очерк о соревновании на заводе, очерк об удар-

нике, очерк о новостройке. Очерки были так серы и так безнадёжно одинаковы и было их так много, что редактор одного очеркового журнала, когда его выносили в печать, приходил к нему, уже не читая присылаемые описи, а только следил мутным взором, чтобы под фото ударника Петухова не поставили подпись «ударник Снпичы».

В этом смысле особенно повесть колхозной тематики. Сразу — раз и навсегда — установились штампы в изображении кулака, середняка, бедняка.

Что эти типы и их поведение были авторами надуманы? Нет, их давала тогдашняя жизнь, тогдашняя расстановка классовых сил в деревне. Но отчего же они в литературе так часто становились штампами? Конечно, в первую очередь оттого, что попадали в бесталанные руки. Но еще от незнания материала. От среднего, приблизительного представления о вещах.

Так, мы, москвичи, были удивлены, когда из Испании приехала белокурая поэтесса. Женщины конфиденциально отводили гостью в сторону: «На самом деле?» — и всматривались в корни волос. И у корней — волосы были светлые. И вообще это в Испании, оказывается, не редкость! Нет, это поразительно! Десять лет шлет «Камарен» в Большом театре, и ни одной белокурой испанки!

Но можно спросить: разве писатели, драматурги, сценаристы, занересовавшиеся колхозной темой, не ездили в период коллективизации на места? Нет, ездили, наблюдали, изучали. Но все зависело от того — кто ездил? Бесталанный человек, наблюдавший жизнь, подгонял ее под свое, упомянутое выше, общее представление, под схему, под штамп. Хорошо сказано у К. Станиславского: «Какой это ужасное слово «общее!» Несоволено в нем шершавость, неразбериха, неосновательность, беспорядок. Хотите сест чего-нибудь — «общее»? Хотите «общее» поговорить, почитать?» («Работа актера над собой»).

Настоящий художник наблюдал жизнь своими глазами, искал индивидуального, неповторимого. Но штампы и от него не отставали. И тут зависело от степени таланта. Среднее дарование приторкивало дверь некоторым штампам, без которых, казалось, обед не в обед! Большое же дарование — рационало этих называющихся вещей ко всем чертам. А гости, действительно, были называющими! Штампы в колхозной тематике так прочно тогда влезли, что получили даже... вещественное, реальное оформление. Одна крупная костюмерная мастерская, учитывая тогдашние запросы театров и клубных спен, публиковала в журналах объявления, в которых среди всяких наборов париков и грима значилось: борода кулака — 2 рубля 70 копеек, борода середняка — 1 рубль 66 копеек, борода бедняка — 91 копейка. Так вымысел получил материальную оболочку. Имяние для художника, конечно, отпадное, если бы только вымысел был хорощим.

И стояли вальжно вдоль дороги, напильки аж два рубля семь копеек бороду, кулаки всех мастей, подальше — потупиши очи — середняки, бедняки же плетились прямо за автором, пошпавшая на ходу свои жидкие, дешёвые бородачки. И автору оставалось только приглядеть парочку-другую героев поспиматичней. И был бы еще роман о колхозе.

Примерно так и поступил Г. Шолохов-Снигавский.

Содержание романа несложно. В рыбакской слободке живет семья Кудимова Антопа Тимофеевича. Старший сын Николай идет в школу, младший — Коля, в местном прославо Чепурнову. В это дело он втягивает и брата Максима. Младший брат-комсомолец Петро противится собственническому интересам Николая. Отец занимает компромиссную позицию.

Это мы узнаем в самом начале романа, та же расстановка сил сохраняется и в дальнейшем. Общественная только борь-

ба внутри семьи. Никогда ближе смыкается с прасолом, имея при себе безработного, Ленивого Максима, Петро же, вернувшись из Красной Армии, ставит себе задачу переменить отца и братьев в рыбацкую артель. Семейный разлад приводит к разделу имущества. Период коллективизации обостряет положение. Николем вступает в артель, но ведет и тут себя, как хищник: перевыполняет план за счет улова в заморознике. Петро его ловит на этом деле. Николема судят и ссылают на Белоозерский канал. Отец и Максим (один раньше, другой позже) вступают в артель. В эпилоге романа, через 4 года после описываемых событий, возвращается Николай домой. Он уже новый, «перекоравшийся».

Роман «Братья» как бы создан по способу двухцветного печатания.

Николем, с первых строк «станивший в черных, старорежено поблескивающих глазах что-то неумолимое, сумрачное», — так в мрачном свете и проходит через весь роман. Николема в нем не прощипает себя человеческое — хотя бы благодарность. Даже когда его вытаскивают полумертвого из шлюза, он оттолкнул руку Петра, и его «кличиче, вспаленные глаза блеснули вразбужено». Автор пытался усложнить образ Николая тем, что дал ему прошлое: красный партизан. Но ничто в Николае не напоминает этого прошлого. Раз или два, мельком, Николай вспоминает, что громил в революции прасоло, с которым он теперь вот имеет общее дело. Если бы автор развил это противоречие, образ Николая несомненно в какой-то мере мог бы обогатиться.

Тот же беспомощный черный цвет лег и на фигуры прасолов Чепурновых — отца и сына. Они, конечно, хитры и лукавы («Ступай, сынок, гайкой проползай к нам за лазуху и кусай за самое сердце... Исподтишка, слышишь?»). Отец за старостью лет постылся, сын — поумнел. Они не смеются, а «хихикают», не говорят, а «шипят» («продляй руку, зашипел», «замшиел, как гусак»). У сына в минуту гнева «темное, искаженное злобой прищавло лицо». У отца — семейная похота.

Поразительное одиноплутие наблюдается у некоторых авторов в изображении так

называемых отрицательных героев. По лениности мысли или от бедности впечатлений, но они начинают с самого примитивного: опорочивают «отрицательного героя» его неприглядными внешними чертами! Авторы словно бояться, что если этому герою придать красивую, спокойную внешность, он тотчас из рубрики «отрицательные» перемахнет в «положительные»! Правда, Г. Шолохов-Снигавский не чересчур увлекается этим приемом, но присутствие его все же явно обнаруживается. Этому способствует уныло-прямойнейное, плоскостное изображение характера названных героев: жадность, жадность и еще раз жадность.

В романе много добротелелы мы находим младшего Кудимова — Петра и из вторых персонажей — возлюбленную Петра Пашу, секретаря партичейки Горбелю, председателя артели Мельшченко, начальников, приехавших из края, и т. д.

Автор по-своему последователен. Если «отрицательный» Николем таит «в черных, старорежено поблескивающих глазах что-то неумолимое, сумрачное», то «положительный» Петро, конечно, «чернучий веселый красавец».

Жизнь праведного Петра проходит в борьбе с братом Николем, в увещаниях отца вступить в артель, в выполнении плана улова и в пронаесении небольших речей «по существу вопроса». Натравив Петра черным чубом, веселостью и красотой, автор уже не велит ему удержаться, чтобы не познать его с Пашей Латутиной — бригадиром женской бригады. Счастливым бы путь влюбленным! Но в романе не нашлось места для этого (и сколько у нас романов с влюбленными, но без любви!). Появившись в начале романа и заняв собой полторы страницы, Паша в дальнейшем исчезает. Но влуд неожиданно для читателя появляются четвер строчки информации: Паша не откликнулась, или Паша отвернулась, или Паша не пришла. Почему? Почему? В очередной двусторонней переписке — дань любви! — информация о какой-то ревности. Потом пропадает даже и информация. Паша внезапно появляется вновь лишь в сцене пожара, чтобы выложить свои прохлады, исполняющие ружки на пылающей лоб обожженного Петра-праведного.

Мимо этой малокровной любви можно было бы, отвернувшись, пройти, если бы не ее финал.

По стародавней шпаргалке, автор заставляет Пашу — молодую, хорощую, советскую женщину — отказаться от замужества и от ребенка (временю, товарищи, конечно, временно!), пока... ее бригада, соревнующаяся с бригадой Петра, не даст 250 процентов плана!!!

Что можно сказать? Лишь развести руками: страшно!

Когда же автор не заботится о том, куда посадит героя: ошую или оседую, герои обнаруживают признаки жизни. Образ Кудимова-отца, правдиво задуманный, в колыну романа приобретает теплоту, живость. Голз старика — на радость ему — назначает «инспектором по качеству», а все тот же злой, одиночелый Николем берет отца в гроб, старик кричит: «— Инспектора?! Инспектора советской власти, сукни сына, бити?! А?» На сером фоне романа еще более выделается фигура среднего брата — Максима. Ленивый и безработный, он слушает, и слушает, и отца, и Петра. Но все чувствует, что у него есть какие-то свои, затаянные мысли. И когда их он, наконец, обнаруживает, то отец «посмотрел на среднего сына с удивлением, точно тот внезапно явился к нему после долгой отлучки».

Из авторских удач следует еще отметить возмолванную, выразительную речь (совершенно эпизодического лица в романе!) Лукерьи Кузьминичны.

Мы упомянули о Кудимове-отце, о Максиме, о речи Лукерьи Кузьминичны для того, чтобы сказать, что там, где автор уходит из-под гнета схемы, его ждет удача. Явление и вполне закономерное, и вполне известное. Но о нем надо вспомнить. Дело идет о количестве красок. Двухцветное печатание, конечно, экономит силы, но задача художника — тратить их.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО САТИРИКА

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ 10 МАЯ 1939 Г.

Огромный зал Дома союзов переполнен рабочими, учащимися, писателями, учеными, учителями.

На тяжелом бархате занавеса золотой бук. Салтыков-Щедрин говорит о себе и о родине:

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России».

И народ говорит о Щедринах:

«На могиле великого писателя родного в венке славы, воздвигнутом потомством, будет и наш цветок, пусть вылетят и вылетят, что мы, рабочие, любили и ценили его».

(Из письма тифлиских рабочих, 1889 г.)

В президентском торжественном заседании г. В. Бонч-Бруевич, И. Гракин (секретарь МГФ ВКП(б)), Д. Заславский, Л. Леонидов, С. Макашин, И. Сельвинский, А. Толстой, А. Фадеев, К. Федин, М. Храпченко, М. Эренсон.

Торжественное заседание открывается вступительным речью А. Н. Толстого.

— В кругу мировых литератур XIX века, — говорит академик А. Н. Толстой, — русская классическая литература занимает главенствующее место. В свое время было принято удивляться тому, что именно в стране наиболее отсталой и почти сплошь неграмотной искусством приняло размеры столь совершенные и глубокие. Это обстоятельство относилось за счет особой будничности русских. И настало это наша особая «метательность» воспроизведения в европейские умы, что на ней до недавнего времени некоторые правительства строили стратегические планы легкого завоевания России.

Истинные причины создания в России великой литературы в том, что она гораздо более, чем в Западной Европе, была творением народных. И ныне стала уже непосредственно народным творением.

В XVIII веке в России попытки создания классовой феодально-дворянской литературы, напротив оторванной от источников народного творчества, потерпели неудачу. Западные Корнейев и Распинов нас так и не появились. Зато был Ломоносов, самолично вторгшись в мужской сержант в размытый славяно-славянский Парнас и в пыльно-шляхетскую Академию наук.

Великая русская литература XIX века возникла от непосредственной связи языковой словесности, созданной Ломоносовым и Державиным, с творческим гением русского народа. Пушкин первый установил эту живую связь... Во Льве Толстом творческая народная стихия прорастает мощным краем.

Народ — истинный создатель литературы. И не его вина, что, нажимая снизу, он не мог ответить за те наказания и искривления, которым подвергались его прямые творческие устремления, — наоборот в дворянско-буржуазном обществе, где неуправляемо страшно противоречие часто упирались в либеральное благополучие, или отводились в утилитарное русло идеала, граничащего с мракособием, или трансформировались в воинствующую нелепость отрицания всякой борьбы и непротыкание злу.

Литература и страдалась этой исторической воли народа, и сжималась направить ее по пути мирного развития, мигнула решительные движения вроде гугачевщины (которой в конце концов не испугались только Пушкин и Лермонтов), и в то же время ни в чем не могла обойтись без кровной связи с народом.

Посреди XIX века возмущается мало до сих пор изученная, мало до сих пор понятая суровая фигура великого русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Прежде всего он — народный писатель. В нем ничто не исправлялось и не смягчалось во имя благополучия. Он суров и беспощаден, он не страшится смело взглянуть в лицо социальным противоречиям. Вот отчет, сколь ожесточено ни хитрили до него за фальш представители разных либеральных школ и направлений, он этот гитанг не влезал ни в один либеральный ворот. Он был лютым врагом либерализма. Он был истинным демократом, великим мастером социальной сатиры, — сатиры беспощадной, глубокой, разлеп на смерть. Он боролся, как титан, во имя того, чтобы народу в страстно любимой им России было хорошо, но он не знал, что только рабочему классу дано возглавить долгожданную им народную революцию и довести ее до победы. И мы не осуждаем его за это незнание.

Его сила в сатире, в проникновенном знании современных глубин жизни, в его бесподобном владении русским языком. Его очерки, сатирические рассказы, хроника, статьи, романы и пьесы — одно прямое поле, в котором правдиво отражен процесс разложения дворянско-крестьянского общества и начало русского капитализма. Но мы никак не можем рассматривать его прошлое России и сатиру Салтыкова-Щедрина, как нечто музейное, отомелое. Европейский капитализм в наши дни и процесс разложения буржуазного общества, — вся глубина противоречий, подоспел к грани мировой войны, где фашизм ставит себе целью истребление рабочего класса — эта действительность наших дней находит отклик в сатире Салтыкова-Щедрина.

Вот почему к оружию Щедрина так часто прибегал Владимир Ильич Ленин, петируя его, вот почему товарищ Сталин, так высоко оценивая социально заостренную и по-народному реалистичную сати-

ру Щедрина, так часто пользуется ею. Жало сатирической сатиры не затупилось и, направленное по назначению, жалит на смерть.

Слово для доклада о великом сатирике получает В. Я. Кирпичников. Он говорит о Щедринах — писателе, общественном деятеле, как зеницу ока хранившем выстраданную им правду. Щедрин авторитетно и утвердительно ругал своим авторитетом революционно-демократическую линию Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Конечной, всеподвешивающей целью литературной деятельности Щедрина было благо народа, и главной задачей передовых людей Щедрин считал сближение с народом, просвещение народа, активизацию политического сознания народа, защиту народа от его исконных врагов.

Художественные образы Щедрина до сих пор помогают выводить на свежую почву притянутых предателей, трюкостско-буржуазных кудурей, шпиков и диверсантов. Проповедания Салтыкова-Щедрина являются превосходным оружием против современного фашизма. Творчество Щедрина изобилует безумие, типичность, жестокость обреченных эксплуататорских классов. Оно утверждает силу, жизнеспособность и неизбежность победы идеалов коммунизма.

С короткими приветственными речами от рабочих и интеллигентных заводов им. Сталина и московского ордена Ленина завода «Красный пролетарий» выступают гг. Б. В. Рыжиков и П. И. Ваткин.

После торжественного заседания состоялся большой концерт, в котором приняли участие заслуженные артисты РСФСР О. Абулов и В. Лебедев, Э. Каминка, артистка Е. Боровская, народный артист СССР М. Рейзен, проф. А. Домино, пианист А. Николес, симфонический оркестр Московского государственного филармонического управления народно-артиста СССР Л. Штейнберга.

«Гвади Бива»

В лучших образах советской литературы мы уже чувствуем бегущее пламя нашей эпохи. В произведениях, какими за последние годы обогатилась грузинская советская литература, выхватываются лица новых людей, создающих новую жизнь. В то же время в этих книгах видны те преобразующие процессы, которые уничтожают пережитки капитализма в сознании людей. И чем сильнее писатель, чем выше его творческий идейно-художественный уровень, тем правдивее и яснее изображает он эти значительные процессы в жизни нашего народа.

Роман Лео Квачели «Гвади Бива» принадлежит к числу произведений, которые с особенной остротой и художественным мастерством показывают этот сложный процесс. Интерес автора не только обращен к объективному развитию человеческих поступков и внешних обстоятельств, но прежде всего к внутреннему миру персонажей, к развитию их характеров.

В романе «Гвади Бива» автор показывает людей, воспитанных старым миром, которые благодаря идейному влиянию новой эпохи отрешаются от устаревших взглядов и представлений, усваивают новые принципы, новую мораль, приспосабливаются к новому социальному миру.

Гвади Бива — главный герой романа Лео Квачели — типичный представитель тех людей, которые пока носят еще на себе печать прошлого. Правда, он — член колхоза, но он избегает общей работы, он лодырь, прогульщик и бродяга. Когда нужно, он готов принять участие и в темном деле.

Но настает момент, когда на Гвади Бива, на этого игнорируемого селем, казавшегося всем неполноценным человека партия обращает свой заботливый взгляд. И в самом деле, почему должен быть так отчужден этот человек?

Разве он не мог стать таким же активным членом коллектива, как многие его соседи, как хотя бы вдова Мария, уругина и передовой член коллектива? Может быть, причины кроются не во внутренней природе Гвади, но в предубеждении, в недоверчивом отношении к нему сельчан? Может быть, необходимо пустить в ход методы нравственного воздействия, чтобы разбудить в этом человеке лучшие человеческие инстинкты, здоровые социальные стремления? Разве по происхождению и по своему положению Гвади не составлял плоть от плоти тех же односельчан, которые теперь строят новую жизнь на коллективных основах, на принципе общего труда? Почему же должен оставаться Гвади Бива под влиянием таких позорительных людей, вносящих ставших заклятыми врагами народа, как бывший дворянин Арчила Пория? И вот настает решающий момент, в юрне перестраивающей жизни Гвади. О нем проявляет мудрую заботу партия в лице председателя колхоза Гера.

На общем собрании колхоза Гвади Бива под влиянием таких позорительных людей, вносящих ставших заклятыми врагами народа, как бывший дворянин Арчила Пория? И вот настает решающий момент, в юрне перестраивающей жизни Гвади. О нем проявляет мудрую заботу партия в лице председателя колхоза Гера.

На общем собрании колхоза Гвади Бива под влиянием таких позорительных людей, вносящих ставших заклятыми врагами народа, как бывший дворянин Арчила Пория? И вот настает решающий момент, в юрне перестраивающей жизни Гвади. О нем проявляет мудрую заботу партия в лице председателя колхоза Гера.

На общем собрании колхоза Гвади Бива под влиянием таких позорительных людей, вносящих ставших заклятыми врагами народа, как бывший дворянин Арчила Пория? И вот настает решающий момент, в юрне перестраивающей жизни Гвади. О нем проявляет мудрую заботу партия в лице председателя колхоза Гера.

На общем собрании колхоза Гвади Бива под влиянием таких позорительных людей, вносящих ставших заклятыми врагами народа, как бывший дворянин Арчила Пория? И вот настает решающий момент, в юрне перестраивающей жизни Гвади. О нем проявляет мудрую заботу партия в лице председателя колхоза Гера.

ПРИЕЗД УЧАСТНИКОВ ДЕКАДЫ КИРГИЗСКОГО ИСКУССТВА

Завтра в столицу прибудет группа Государственного киргизского музыкально-драматического театра, хор, балет, оркестр и музыкальные коллективы Государственной киргизской филармонии.

В труппе театра — заслуженные артисты республики: Аявар Кутуббаева, Савра Кизибоева, Бюбюсара Велишбаева, Капымкул Абашева, Аширалы Боталбаев, Касымалы Ешпиевков, Муса Ваетов, заслуженный деятель искусств композитор Абдылас Малдыбаев и первый киргизский дирижер, дирижирующий оперой «Алтын Кыз» Шейта Орозов.

Приглашают коллективы Государственной киргизской филармонии, оркестр народных инструментов под управлением Шубина, узбекский ансамбль песни и танцев Омского театра Киргизской ССР.

В труппе хора Филармонии — народные артисты республики: старейший киргизский музыкант Кыякчи, Муратали Куренков, музыкант-комучи Карамолло Орозов, скакатель «Манас» Молдобасов, Мусылмамкуллов, виртуоз на комузе Атай Огонбаев и орденноносные акыны Алымкул Усенбаев и Калык Аквев.

С коллективами Филармонии прибудет также женский ансамбль темир-коммунисток.

Человек, ушмеженный и всеми кипируемый, отнесенный от общего дела, теперь был введен в самую суть этого общего дела. Естественно, он признает это общее дело своим личным делом.

Бывший батрак отца Арчила Пория, находившийся долгое время под его вредным влиянием, дрожащий перед ним, Гвади Бива осмелевает теперь противоречить этому человеку и осознает, что в лице Арчила Пория перед ним стоит классовый враг, вредитель. Темной ночью Гвади настигает Пория в момент, когда тот поджигает колхозную дееспилку. Он закатывает негодяя отцовским кинжалом.

Таков главный герой романа Лео Квачели. Заслуга писателя состоит в том, что на основе жизненных наблюдений он мастерски нарисовал образ Гвади Бива.

Другой герой романа — Гера Саландия так же, как и Гвади Бива, представляет интересный и новый колоритный тип в грузинской литературе.

Его внешность, его характерные черты, его непреклонная натура даны автором с большой художественной силой. «Между Гвади и Герой было общее то, что его, как и Гвади, не особенно волновали дела колхоза. Во всем другом их разделяла глубокая пропасть. В селекции Орети Гера считался середняком, был наредок трудолюбивым хозяином. Но своеобразным человеком был этот Гера и характер имел суровый, непреклонный и упрямый. К новым правилам жизни еще приспособиться он не мог...»

Благодаря осторожному и сознательному подходу Гера Гвади вскоре примиряется с коллективом. Этому примирению способствует и то обстоятельство, что Гера убеждает в мерзостях своего наренного зятя Арчила Пория. С этих пор Гера становится таким же преданным членом коллектива, как и другие его соседи, активным участником общей радости и общих забот.

Председателем колхоза Гера предназначена в романе эпизодическая роль. Однако образ его, как верного и преданного члена партии, сознательного и энергичного большевика, трезвого руководителя колхоза, рельефен в романе.

Чрезвычайно привлекательны образы передовых женщин грузинской советской деревни. Представительница их — вдова Мария. Она в наших колхозах, наряду с мужчанами, активно участвует в общей работе и своим личным примером дает прекрасные образцы колхозной работы. Такова в романе и комсомолка Пайя.

Роман «Гвади Бива» представляет особую результат самых последних лет литературной деятельности Л. Квачели. И вполне естественно, что в этом произведении еще ярче, чем в предыдущих, видны литературное мастерство автора, богатый запас его творческого и жизненного опыта.

Лео Квачели известен как искусный мастер сюжета. Но нигде, кроме разве «Арешера Шмидта», не проявилась такая виртуозность в построении острого и сложного сюжета, как в последнем романе.

Язык Лео Квачели простой, скатый, чистый; автор не любит вычурной фразы. Он избегает архаизмов, провинциализмов. Роман «Гвади Бива» представляет особую несомненную творческую победу писателя и значительное явление в развитии многонациональной советской литературы.

ШЕВЧЕНКО И УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На вечернем заседании 6 мая на Шевченкоском пленуме в Киевской обл. выступил с большим докладом на тему «Шевченко и украинская литература».

— Подобно Пушкину в русской литературе, Шевченко явился полновесным родоначальником, основоположником новой украинской литературы, — сказал тов. Стебун. — Талантливо освоив и проложив лучшие традиции предшествовавшей литературы Украины, сочетая их с богатейшими достижениями мировой, русской литературы и целительными источниками народного творчества, Шевченко создал полновесные образцы национальной литературы, одухотворенной передовыми идеями своего времени, насыщенной неисчерпаемыми художественными богатствами.

Начало XIX века было в украинской литературе переходным этапом, знаменовавшим собой заметное оживление в области создания национальной культуры. Украинская литература впервые обращается к народному творчеству, к народному языку, как к своему творческому источнику. Появляются первые автографические фольклорные сборники, первые издания на украинском языке. Если в произведениях даже таких выдающихся представителей украинской культуры XVIII века, как Сковорода и Некрасевича, народный украинский язык только «спирывался», находил себе очень скромное место в смеси с первоначально-славянским языком, то в произведениях Котляревского, Байтык-Осиповича впервые украинская художественная письменность утверждает народный язык как язык литературы.

Появляются новые жанры — комическая поэма, басня, бытовая драма, повесть. Под влиянием русских комических опер конца XVIII и начала XIX веков Котляревский использовал распространенный в украинском песенном фольклоре сюжет; он создал яркую социально-бытовую драму «Наталка-Полтавка» и бытовую повесть «Москаль-Чаривный».

Эту заметившуюся тенденцию к народности и реализму продолжили: Квитка-Основьяненко в своих «Малороссийских

повестях», драмах и рассказах, Гулак-Артемовский и Гребенка в своих баснях.

Однако литература 20—40-х годов XIX столетия хоть и знаменовала собой новый прогрессивный этап в развитии украинской литературы, но она даже в лучших своих образцах не понимала больших животрепещущих проблем. Она была преимущественно литературой «забавы», «сладецкого благодушия» и легкого смеха. Целая плеяда подвизавшихся в эти годы поэтов — В. Заблуда, Афанасевич, Чужбинский, Метлицкий и другие современники Шевченко — спокойно мирились с существующим порядком вещей. Больше того, многие из них спешили подчеркнуть свое верноподданничество и лояльность.

Шевченко всем своим творческим духом не мог не противостоять своим литературным предшественникам. Свободолюбие в его глубоко демократическом, революционном смысле стало лейтмотивом творчества Шевченко уже с первых лет.

Шевченко прекрасно осознавал всю узость, ограниченность и отдаленность от полновесной народности и полновесного реализма творчества многих своих предшественников и современников типа Афанасевича-Чужбинского или Заблуды. В предисловии к сборнику своих произведений, предназначенному поэтом для издания накануне ареста в 1847 г., Шевченко резко выступил против «патротов-хуторян», канонизирующих псевдонародность.

Однако было бы недопустимо утверждать, как это не раз пытались не в меру ретивые вульгаризаторы, что Шевченко полностью отрицал литературное наследство своих украинских предшественников. Произведения таких писателей, как Сковорода, Котляревский, Байтык, украинские романтики, явившиеся в украинской литературе первыми образцами, на которых воспитывался Шевченко.

Шевченко принес в украинскую литературу неведомое до него богатство и широту тем, мотивов, жанров, принес страстный пафос поэта-демократа-общителя, горячее дыхание современности. Голос поэта уже с первых его поэтических строк прозвучал на тихом «Парнасе» его современников новым, неслыханным, смелым и резким диссонансом идилического спокойствия и внешне автографического романтизма, господствовавшим в тогланней украинской поэзии.

В поэме «Сон» — одном из самых выдающихся программных произведений поэта — Шевченко окончательно утвердил в украинской литературе, в противовес господствовавшим сентиментально-дидактическим и автографическим традициям, критический обличительный реализм. Он глубоко раскрыл в своем творчестве народную жизнь, реально показав то, что до него литература изображала в виде «земного раба».

Народность, реализм, свободолюбие и гуманность — именно эти черты, ставшие неотъемлемыми качествами развития классической украинской литературы, были привнесены ей Шевченко.

Когда Шевченко, незадолго перед возвращением в Петербург из ссылки, прочел первую книгу «Народных оповічань» украинской писательницы Марии Вовчок, он был глубоко возмущен. В Марко Вовчок увидел Шевченко «силу молодую», свою дочь, преемницу своих творческих традиций реализма и народности.

После Марко Вовчок обличительно-критический реализм нашел свое продолжение в 70—80-х годах в творчестве И. Нечуй-Левицкого, давшего большие полотно о крестном гнете («Микола Джеря» и др.) и особенно Панаса Мирного, автора больших социально-бытовых романов «Хіба ревуть воля як ясла повні» и «Поля» (протипутка).

В своих романах Панас Мирный на широком социально-бытовом фоне жизни украинского села показал тяжелую, полневольную жизнь крестьянства и первые стихийные и неорганизованные бунтарские выступления крестьянства против существующего порядка.

Вслед за Марко Вовчок и Мирным традиция критического реализма Шевченко нашел свое продолжение в творчестве крупнейших классиков второй половины XIX и начала XX столетий: в прозе Ивана Франко и М. Коцюбинского, в дра-

тургии Тобилевича и Кривячинского, в поэзии Франко, Старинного, П. Грабовского, Ясиа Украинки.

Этот тем более знаменательно, что декларируемая буржуазно-националистическая литература, объявлявшая своим родоначальником П. Кулиша, веда упорную борьбу за нейтральность влияния творчества Шевченко на украинскую литературу, против «культулы Шевченка».

Шевченко как поэт напел в Франко и Лесе Украинке своих лучших последователей. Меньше всего следует искать в поэзии Ивана Франко и Ясиа Украинки внешние признаки шевченковских традиций. Их родство и близость значительно глубже и заключаются она прежде всего в той широте поэтического кругозора, творческого мировоззрения, которые ломают рамки национальной ограниченности и делают поэзию поэзией больших идей.

Они выступали, как поэты-обличители, пропагандисты человеческой свободы, как глубокие лирики и мастера эпических форм, и во всем этом творческом многообразии они, как в свое время и Шевченко, всегда оставались верными жизненной правде, своим демократическим идеалам, своему народу.

Продолжат творческие традиции Шевченко значило, кроме всего прочего, крепить и развивать связь украинской литературы с передовой русской и мировой литературой, не замыкаться в скрупулезной национальной «самообитности». Именно это поняли и осуществили и Марко Вовчок, и Мирный, и Франко, и Ясиа Украинка, и Коцюбинский.

Шевченко положил основу развитию новой украинской литературы. Он поставил вопросы, волновавшие его народ, все человечество, наметил истинные пути украинского литературного творчества.

Вот почему так свято и бережно хранят наша литература наследие великого нашего кобзаря. Как самое яркое светило, светит он в предрассветном созвездии наших классиков. Он светит и будет светить в нашей литературе, как вечное, неутомимое солнце украинской поэзии.

С. УЛУГ-ЗАДЕ

Поэзия Таджикистана

Таджикская поэзия имеет богатую многовековую культуру. Таджикский народ — прямой наследник фарсидской классической литературы. Выдающиеся ее представители — Фирдауси, Саади, Хафиз, Хайям, Джами широко известны и популярны в таджикском народе. Их не только знают в культурных центрах страны, но знают и читают в оригинале даже в отдаленных кишлаках Таджикистана.

В создании великой фарсидской классической литературы участвовало немало писателей-таджиков из Бухары и Самарканда. Такими, например, знаменитый поэт саманидского периода Абулхасан Рудак, Давани, Кисаи, великий ученый, энциклопедист и поэт X века Абу Сино (Авиценна) и др. Эти имена пользуются мировой известностью.

Богатое наследие тысячелетней таджикской литературы почти совершенно еще не разработано и не сделано достоянием народа. Как известно, книгопечатание на Востоке было столь же отсталым, сколь была высока поэтическая культура. Сочинения поэтов в лучшем случае печатались авторскими экземплярами, несколькими десятками экземпляров. Значительная же часть их оставалась в трудночитаемых рукописях самих авторов и любителей перепищиков. Читать и пользоваться ими может только ограниченный круг лиц, знающих арабский алфавит. Широкому же читателю они совершенно недоступны.

Большое количество этих рукописей, наряду с лучшими авторскими изданиями поэтов прошлого, собраны в Ленинградской, самаркандской и особенно в сталинградской библиотеках. Надо сказать, что

нако, что Госиздат Таджикистана, равно как и восточные отделения наших научно-исследовательских институтов союзного значения и другие заинтересованные учреждения, далеко не достаточно используют эти рукописи. А между тем разработка и оборудование этих сокровищ обогащает бы нашу социалистическую культуру новыми ценнейшимикладами.

★

Революционная советская поэзия в Таджикистане, рожденная вместе с советской поэзией, сравнительно еще молода. Она росла в борьбе против влияния буржуазной идеологической литературы. Одна часть таджикской интеллигенции с первых же дней революции открыто перешла в лагерь врагов народа и вместе с империо-басмаческими бандами вела вооруженную борьбу. Другая часть, как, например, Фитрат, Вауд, Джавхари, начала в своих произведениях проповедовать буржуазно-националистические идеи. Только писатель С. Айни выдвинулся своим положительным отношением к революции. Его перу принадлежат, кроме первых романов на таджикском языке («Дохудда», «Одина», «Раби», из которых первые два переведены на русский язык), также сборник стихов «Погория» и большая, написанная в ритме «Шах-наме» поэма «Война человека с войной», посвященная Вахшстрою.

Благодаря мудрой ленинско-сталинской национальной политике и общему хозяйственному и культурному подъему республики за годы сталинских пятилеток выросли талантливые поэты из молодежи. Три молодых поэта Таджикистана — Дехоти, Турсун-заде и Рахими — недавно были награждены Президиумом Верховного Совета СССР орденами Союза.

Выдающимся представителем молодого поколения таджикских поэтов, начавших свою литературную деятельность уже после Великой Октябрьской социалистической революции, был, несомненно, Найрау Сулеймани, умерший в 1933 году. Его литературное наследие невелико, но привлекает своей талантливостью, оригинальностью. Несмотря на сравнительно короткий период своей поэтической деятельности, Найрау сумел сказать новое слово в таджикской поэзии. Поэт большой культуры и высокообразованный лирик, он находил новые, свежие слова для выражения чувств и мыслей советского человека. При жизни поэта вышли два его небольших сборника и в отдельном издании поэма «Кривая тропка». В настоящее время готовится второе издание полного собрания его произведений.

Молодые орденноносные поэты Абдулсам Дехоти и Мирно Турсун-заде появились в литературе в 1930 году. Оба они являются воспитанниками ленинско-сталинского комсомола. Первый небольшой сборник Дехоти «Песни труда» вышел в 1934 году. Здесь поэт пишет о колхозе, о раскрепощении таджикской женщины, о Красной Армии, о комсомоле. В этом сборнике молодой поэт еще не самостоятелен. Откровенно с «Песнями труда» вышла в отдельном издании его первая поэма «Три вальса». В ней Дехоти показал значительный творческий рост, умение владеть сложной метрикой «аруз»; он проявил себя вливым поэтом, упорно работающим над качеством своих произведений.

Стихи его легки и напевны. Многие песни Дехоти, стали массовыми и любимыми песнями советской молодежи Таджикистана.

Дехоти вместе с Турсун-заде написал текст первой оперы на таджикском языке

«Восе» — о восстании таджикских дехкан против империата в 1885 году. Заслуживают внимания рубайты Дехоти на колхозно-бытовые и молодежные темы, являющиеся одним из труднейших поэтических жанров, требующих умения заключить законченную мысль в четыре строки. Эти рубайты вошли в подготовленный им второй сборник его стихов, песен и рассказов.

Турсун-заде — один из оригинальных лириков-поэтов Таджикистана. Ему чужды старые фарсидские поэтические штампы. Он несколько раз пытался сложить старую фарсидскую метрику — «аруз» и перейти к новым поэтическим формам. Однако эта попытка поэту не удалась.

Тематика стихов и поэм Турсун-заде разнообразна: поэт откликается на все значительные события нашего времени. Его стихи и песни о родине, о Сталине, о Стаханове, «Страна белого золота» — газель о цветущем Таджикистане, «Песня избирателей», «Дочь Аджурки» — стихотворение о Долорес Ибаррури, «Песня молодости» пользуются большой славой в Таджикистане.

Стихи и поэмы полноводного и своеобразного поэта Рахими печатаются, начиная с 1924 года, в республиканских газетах и журналах. Первый сборник его избранных произведений размером около шести тысяч строк недавно принят Госиздатом Таджикистана к печати.

Хотя данная статья и не ставит своей задачей критический разбор произведений отдельных поэтов, однако о стихах Рахими надо сказать, что они очень неравноценны по своим художественным качествам, по языку и доступности читателю. Наряду со множеством стихов, просто и хорошо написанных, у него имеется немало произведений, отличающихся стремлением к изощренности, в ущерб содержанию и ясности. Такими, например, являются стихотворение «Гульшом», стихотворение «Художник».

Стихи и песни поэта-лирика Амин-заде посвящены, главным образом, теме раскрепощения трудящейся женщины. Тема

эти, впрочем, является одной из основных и довольно широко разработанных во всей советской поэзии Таджикистана. Во многих стихах и песнях Амин-заде, простых и легких формах «аруз», простых и мелодичных, говорят и поют сами таджикские женщины. Перу Амин-заде принадлежат также песни в стихах «Шараф» («Честь»). Их переведена на таджикский язык известная узбекская опера «Гульшара», которая ставится на сцене таджикского музыкального театра.

Поэт Сухайли издал три сборника стихов и три поэмы: «Камбагал», «Вахш» и «Пионер».

Из других поэтов, работающих в советской поэзии Таджикистана, следует указать поэта и прозаика Рахима Джаляда, Миршарофа, Нулади и недавно выдвигнувшегося молодого поэта Юсуфа. Сборник стихов и рубайты Юсуфа «Ба Ватан» («Родине») принят к печати Госиздатом Таджикистана.

Недавно была издана большая поэма уругиноского слесаря — поэта Лутфи «Салим-партизан». Автор ее до сего времени не был известен. Это — повесть в стихах о бесстрашном Салиме Орукуеве, вожаке одного из отрядов уругиноских красных партизан в годы борьбы с басмачеством, впоследствии организаторе колхозов, и о героических делах его отряда. Поэма написана на одном из легких родов поэмы метрикой «аруз», простым, метким и образным языком.

Таджикским Госиздатом также недавно издано полное собрание сочинений поэта Г. Захути.

Несколько слов о переводах на таджикский язык русских и мировых классиков. На таджикский язык переведены несколько поэм, почти все сказки и множество стихов А. С. Пушкина, избранные произведения Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Руставели, Байрона. Переведены также классики поэзии. Значительная часть этих переводов выполнена поэтами Дехоти, Турсун-заде, Рахими, Сухайли, Рахимом Джалядом и Амин-заде. Однако одним из круп-

ных проборов в этой области является то, что до сего времени на таджикский язык не переведены произведения лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи В. Маяковского.

В связи с вопросом о переводе Маяковского невольно возникает другой, очень важный для таджикской поэзии вопрос о поэтической форме. В современной таджикской поэзии, можно сказать, безразлично господствует еще старая традиционная форма — «аруз», которая за тысячу лет почти никаких изменений не претерпела.

Эта целая сложная система метрики, перешедшая в фарсидскую поэзию от арабов и насчитывавшая, по утверждению знатоков, около восьмидесяти различных размеров. Рамаи его узки для того, чтобы вложить в них новые эмоции и новые слова. Характерно, что ряд слов, принесенных в таджикский язык Октябрьской революцией, новые общественные, социалистические понятия, как, например, слово «революция» в обычном его произношении, почти ни в один размер «аруз» не укладывают

ИСКУССТВО КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Одна из прекраснейших традиций в жизни советского искусства — ежегодные декады национальных республик в Москве, своеобразный творческий отчет, показывающий расцвет национального искусства после Октябрьской революции. Через несколько дней на сцену Большого театра и его филиала полминута мастера Советской Киргизии, еще так недавно не знавшей, что такое театр и театральное искусство.

Высокого культурного уровня достигло только киргизское музыкальное искусство и искусство народного сказа. Акыны, ирчи, сказители, былинные и песни акыны и сейчас еще являются живыми носителями исторических преданий, легенд, песенных и сказовых традиций, развивавшихся в течение многих столетий. Музыкальные инструменты у киргизского народа очень немногие: это комуз, нечто вроде двух-, а впоследствии четырехструнной балалайки, двухструнный смычковый инструмент кыя и темпирмуз — губной вибрирующий инструмент. И все же киргизские национальные оркестры звучат очень мелодично, красочно, достигая большой выразительности интонаций.

Живым источником, питающим все виды киргизского искусства, является его национальный эпос «Манас». Это народные легенды о сказочном герое, борющемся против злой неволи рокового народа, легенды, варьировавшиеся и умножавшиеся в течение многих веков. Хотя сейчас записано уже больше миллиона строк этого замечательного эпоса со своей красотой, пафосом и жаркостью эпоса, о законности его текста говорить еще не приходится.

Манасчи и акыны Советской Киргизии, певцы и сказители разных поколений и возрастов продолжают свои поэтические импровизации на сюжеты «Манаса».

Обычай манасчи иллюстрировать исполняемые отрывки национального эпоса драматической мимикой, жестами и игрой интонаций значительно облегчил создание киргизского театра.

Первый в истории киргизского народа театр возник около 10 лет назад из самодеятельного кружка колхозников, рабочих и учащихся. Сначала он был только драматическим. В нем ставились пьесы национальных драматургов (которые к тому времени появились в Советской Киргизии) и пьесы русского — советского и классического — репертуара. Этот театр осуществлял постановку «Ревизора» на киргизском языке.

Первым музыкальным спектаклем на сцене киргизского театра была пьеса «Алтын Кыз» («Золотая девушка»), написанная молодым киргизским драматургом Д. Бокмбаевым (формальное молодое художника Г. Айтбаева, постановка О. Джеткышбаева, балетмейстер Н. Холфин). Это драма на тему о борьбе с басмачеством и о строительстве колхозной жизни.

В 1936 г. заслуженные деятели искусства Киргизии композиторы Власов и Фере написали к «Алтын Кыз» музыку на основе обработанных ими киргизских народных мотивов. Часть песен оригинальных композиций Власова и Фере, написанных к «Алтын Кыз», исполняется сейчас во всех колхозах и городах Киргизии.

В следующем спектакле — «Алжал Ордуна» («Не смерть, а жизнь») музыка занимает уже преобладающее место. Либретто этого музыкального спектакля написано драматургом-орлеанцем Юстом Турсубековым — на тему о трагическом уходе более полумиллиона киргизов в Битый в 1916 году, после подавления восстания киргизского народа. В этом спектакле мы уже встречаемся с более серьезной разработкой композиторами Власовым и Фере народных музыкальных мотивов и сведением значительного количества многоголосных хоров.

По существу первой киргизской оперой является «Ай-Чурек» («Лунная красавица»). Ее либретто написано Ю. Турсубековым, Д. Бокмбаевым и К. Маликовым на сюжет второй части «Манаса», рассказывающей о похищении сына героя много

Первая киргизская опера «Ай-Чурек» в постановке Государственного киргизского музыкально-драматического театра (гор. Фрунзе). На сцене: финал оперы — возвращение Ай-Чурека. На переднем плане (слева направо): Семетей — артист Д. Садыков; Ай-Чурек — заслуженная артистка Киргизской ССР С. Кизилбаева; Калыйман — заслуженная артистка Киргизской ССР А. Куттубаева; Кальчоро — заслуженный деятель искусств Киргизской ССР А. Маддыбаев. Фотохроника ТАСС.

Семетей. Музыка к опере написана В. Власовым и В. Фере с участием заслуженного деятеля искусств А. Маддыбаева. (Декорации обоих спектаклей Я. Штоффера, постановка А. Куттубаева).

Эти три спектакля будут показаны во время предстоящей декады в Москве. Драматург Бокмбаев написал сейчас либретто в новой опере, над которой работают Власов и Фере, — на тему о жизни великого киргизского акына и ирчи Токтогула. Об этом народном певце, подвергнувшись при царском правительстве репрессиям и преследованиям, отбывавшем ссылку в Сибирь, народ еще при его жизни начал складывать легенды и песни.

За короткий срок своего существования киргизский театр воспитал талантливый актер и актрис — оперных и драматических. Это прежде всего один из первых актеров театра, заслуженный деятель искусств труппы А. Маддыбаев, заслуженный артист республики баритон А. Боталбаев, хорошо исполняющий героические роли; лирический тенор Х. Темирбеков; заслуженная артистка, сопрано А. Куттубаева, исполняющая в «Алтын Кыз» роль Чинар. В «Алжал Ордуна» Куттубаева исполняет роль Зулайки — молодой девушки, которую за похищение муки прозвали китайскому мандрину. Ее «плач Зулайки» очень популярен среди киргизского народа и неизменно вызывает слезы и возмущенное сочувствие зрителей.

Заслуженная артистка республики Сапра Кизилбаева, обладающая прекрасным лирико-драматическим сопрано, большой музыкальностью и великолепно поставленным из природы голосом, исполнит партию Ай-Чурека. Кизилбаева, молодая актриса, 22 лет пришла в театр из колхоза, и сейчас ее имя пользуется широкой популярностью во всей республике.

В Киргизии нет ни одной театральной школы, и театр сам воспитывает не только своих артистов и режиссеров, но и технических кадры. К сожалению, театр не располагает собственными национальными кадрами для симфонического оперного оркестра. Шовинистами-предателями была ликвидирована единственная музыкальная школа во Фрунзе.

Театр произвел в Киргизии подлинную революцию и в вокальном искусстве. Киргизы знали только однопольный хор. В спектаклях киргизского музыкального теат-

ра введены хоры многоголосные; в «Ай Чурек» имеются и восьмьголосные хоры. По инициативе деятелей театра начали создаваться киргизские танцы, построенные на производственных ритмах и движениях, заимствованных из спортивных народных игр. Осенью 1938 года при театре создана своя балетная труппа в составе 60 человек. Огромную воспитательную, организационную и творческую работу в театре провел его художественный руководитель — заслуженный деятель искусств Киргизии В. В. Целковский.

В декаду киргизского искусства акыны, ирчи и манасчи выступают во всем многообразии своего песенного, былинного и импровизационного репертуара. Москвичи познакомятся с блестящими мастерами и подлинными виртуозами этого своеобразного национального искусства. Исполнение акыном Алымкумом Усенбаевым «Составляя Токтогула с байским акыном», сопровождаемое живой мимикой, пользуется широкой известностью во всей Киргизии. Импровизация акына-комузчи Шершеня Терметчилова исполнена веселого, а порой и язвительного юмора.

В тесном содружестве в Советской социалистической Киргизии развивается искусство нескольких народов — киргизов, узбеков. Особый тапональный ансамбль (солисты Разыхан и Инахан) исполнит на заключительном концерте декады узбекские пляски (в исполнении женщин) и узбекскую народную музыку на своих музыкальных инструментах; на концерте выступит также женский ансамбль темпирмуз.

В заключительном концерте декады продемонстрируют свое искусство два знаменитых киргизских манасчи — народный артист республики Каралаев и Молодбасан Мусулманкулов, которые будут читать отрывки из «Манаса»; здесь же выступят народный артист республики акын Калыйман Акиев — комузчи, заслуженный артист Муса Баетов — певец, и виртуоз на комуз народный артист республики Атай Огонбаев.

Сталинская национальная политика советского государства ведет к расцвету культуры каждой страны, каждый народ нашего могущественного Союза. Декада киргизского искусства будет гордостью не только одного киргизского народа, но и всей дружной семьи народов Союза советских социалистических республик.

ВОЛКИ И ЛЮДИ

История проста, хотя и не совсем обыкновенна. Лука Сандуков накануне свадьбы внезапно покинул свою невесту Елену, чтобы отправиться на зимовку в Арктику. Уезжая, он взял с Елены слово ждать его три года. Елена, живя в доме Косенина, сестры Луки, на положении не то подруги, не то камеристки, сошлась с ее мужем Рощиным — от скуки или по любви, а может быть, и от скуки, перешедшей в любовь... Действие начинается в доме Рощина, областного руководителя работника, за два дня до возвращения Луки.

...Любовь Настя и Остеева свела вместе под крышей дома Рощина многих людей, а тут еще приезжает Лука, обросший бородой, в мехе и с мехами. С Чукотки... Начинается сюжет пьесы. Она очень проста, эта схема событий в доме Рощина. Лука — шпион, диверсант, фашистский агент. Его поведение вызывает подозрение и будет внутренней настроенностью и в Елене, и в Остееве.

Фома Кукчев уезжает в нем потупитка по железнодорожному вагону, взявшего да так и не вернувшего шпотора, вешку заветную. Было это в прошлом году. Лука же говорит, что он три года безвыездно провёл на Чукотке. Это вызывает подозрение у Кукчева. Чтобы отделиться от страшного свидетеля, Лука испепяет «случайный» выстрел, но пуля пролетает над самым ухом Кукчева.

Поп Лаврентий отел Луку, приходит в сину и требует, чтобы он немедленно уходил из дома Косенина. Поп гонится по следам Луки и прогоняет его, как только он появляется у кого-либо из своих братьев или сестер. Лаврентий обещает благополучие своего потомства. Волк — Лука выжужжен бежать, бегать, ветно уезжать от преследования. Но тут пришел его час. Он окружен, он пойман. Выхода нет иного, как прыгнуть из окна пятого этажа... И внизу, на камнях мостовой, смерть.

Леонид Леонов всегда испытывает тяготение к таким сторонам жизни, которые можно бы назвать несколько анекдотичными. Леонид Леонов любит и хороших людей («анекдотные», чудачковаты, Фома Кукчев, настроенный ролей участник гражданской войны, живет как бы с полузакрытыми глазами и в замедленном темпе; он невольно и с опозданием воспринимает жизнь вокруг себя, а потому и поступает неточно и чудачковато. Дарья Остеева, сестра его, белошвейка, прожившая тяжкую жизнь, теперь хочет вознаградить себя не только хорошим настоящим (ее сын — врач, талантливый воспитатель, коммунист), но и хорошим прошлым: она его испробовала очень оригинально: протая знакомиться с ролей невесты (Остеева и Настя — дочь Рощина — любит друг друга), Остеева выхаживает себя за быструю хозяйку большой мастерской, жизнью богато и привольно.

Леонид Леонов охотно замечает в жизни людей с какой-то «жалостью». По не меньше тревожит и потому привлекает внимание Л. Леонова как художника распал личности, неудержимо быстрое ее движение под гоним, в мерзкую, аловонную яму полного вырождения. Писатель не скрывает, что искусство постигать и передавать этот процесс он учится и в Достоевского; а от подражательности Л. Леонова оберегает то, что любит и уважает человека он научился у Горького. Л. Леонов не любитесь юростом пола Лаврентия, он не восхищается безумным притворством Магдаллининой, он не превозносит в Луке пресловутые «де бездны карамазовщины». Он сохраняет свое — советского писателя — отношение к унижению человеческой личности и защищает ее достоинство.

«Волк», помимо всего прочего, еще также и пьеса политическая! Л. Леонов высмеивает и отпугивает штампы, бессодержательность, фальшь многих пьес о мнимой бытливости. К сожалению, он не во всем и не до конца остался верен этой полемичности.

«Волк» Л. Леонова в Малом театре

Если Лука в первой половине пьесы «загриппирован» под честного человека и лишь затем разоблачается как мерзавец, то сделано это Л. Леоновым, если угодно, даже с некоторым вызовом: Лука появляется как зимовщик — в излюбленной плохой писателями «форме» положительного героя. На поверку и пол этой личины может скрываться волк... Полемично Л. Леонов и в финале пьесы, в эпизоде окончательного разоблачения и гибели Луки: слова Елены «За Лукой приехали» осмеивают и разупрают «излюбленный» прием развязки так называемых пьес о врагах, о шпионах.

Л. Леонов действует не только как разрушитель «потенциальных» штампов, Елена, невеста Луки, женщина без места в жизни, далекая от того, чтобы быть жено-строительницей нашей эпохи, эта Елена, разоблачая и уничтожая Луку, прохаживает трудный, но победный путь, путь возвращения человека к самому себе, путь становления нового подлинного человека. Вот это-то и проглядывает те товарищи, которые резко раскритиковали пьесу Л. Леонова.

Нельзя согласиться с мнением некоторых критиков, что «Волк» есть не что иное, как еще один вариант, пусть улучшенный, более литературный, но все же «огневый маяк», — пьеса детективная, авантюриная, пустая...

...Когда Остеев спрашивает Рощина, почему он так быстро вернулся с премьеры (в которой играет Косенин), Рощин небрежно отвечает:

— Я кой-какие указания дал и уехал... Остеев справедливо спросил:

— А разве вы хорошо в театре разбираетесь?

На что у Рощина один только ответ пришелся:

— Всегда вы колкие вопросы задаете... Правда, некоторым извинением тем критикам, которые не поняли пьесы Л. Леонова.

Заслуженный артист М. И. Жаров в роли Фомы Кукчева в пьесе «Волк» Л. Леонова. Рис. А. Костомоловского.

тикам, которые Л. Леонову «кой-какие» указания дали и уехали», может служить то, что в пьесе, впрочем в той развязке, какая показана на сцене Малого театра, в отличие от предельной редакпии, повлились натяжки и несообразности. В ней не выстроены также и те искусственные построения, которые были раньше. Мало оправдан и потому мало вероятен весь эпизод с брытовой Рощина, которой Лука зарезал Магдаллинина. Да и все это убийство ни к чему: оно действия не движет, а пьесе сообщает налет мелодраматичности.

Рощин — теперь не потерявший зрение и чутье человек, в котором автор отпосился если не отрицательно, то неодобрительно и над судьбой которого пьеса ставила большой вопрос. Теперь Рощин — активный участник разоблачения Луки, человек, который хотя и терпеть не может волею себя Магдаллинина, как первого помощника и друга, но сразу прозел, все понял и все изменил к себе и вокруг себя. Это «превращение» Рощина психологически неправдоподобно: оно не вяжется с тем образом, какой написан в начале пьесы, и с обстоятельствами второй ее половины.

Вероятно эти несовершенства текста объясняются и нежеланием для таких актеров, как Д. Зеркалова и П. Леонтьев, распылять созданных ими образов. На сцене Малого театра видны эти дух людей как бы не совсем в фокусе, их облик туманен, психологические контуры обозначены нечетко. Д. Зеркалова внутреннюю полноту образа, нарушенную «благополучным» коном пьесы, видно, искала слишком глубоко и потому настолько ушла в себя, что почти ничего не осталось для нас, для зрителя.

И. Я. Сулякову из этой трудной, одновременно и психологической и полемической пьесы делать спектакль нечего было не только из-за недостатков текста, но также и потому, что необходимо было создать единый ансамбль из актеров, хотя и связанных общностью реалистического стиля, но столь несходных по пылкам, традициям, по актерским биографиям, как несходны участники этого спектакля!

Свойства людей нашей эпохи присущи по-разному и в разной степени и Фоме и Елене и Дарье, и Аграфене, и Насте. Л. Леонов не показывает эти свойства в спокойном и законченном виде, но показывает процесс борьбы человека за свое возвышение, за отщипывание в нем человеческого от всяческой слепоты.

В. Масалитинова — Дарья Остеева трагически смешна в своей претензии просить бывшей богатой, но и она настоящему человеку. Если В. Масалитинова постигла характер Остеевой и поэтому создала правдивый образ, то В. Рыжова свое внимание сосредоточила на передаче внешней характеристики Аграфены Рощиной, и поэтому у нее не получился образ бывшей господской кухарки, ныне несчастливой колхозницы. Различие между игрой В. Масалитиновой и В. Рыжовой и в этом спектакле прекрасно иллюстрирует глубокую разницу между стилем реалистическим и натуралистическим, в котором неизбежно приводит неумеренный бытризм. За внешней анекдотичностью Фомы Кукчева М. Жаров увидел его страстную любовь к новой, к советской жизни, к человеку, Троталеву, правдив, по-хорошему располагает он к себе и юмористически неслепом объяснении с Еленой в четвертом акте.

Настя в изображении П. Богатыренко стремительна, как сама молодость, непосредственна; эти качества даются, конечно, не исчерпываются внутренней и внешней облик нашей замечательной молодежи, но тут уже вина автора, которому еще меньше удалось второй представлять людей новых поколений, Андрюша Остеев (Н. Аппонков).

Угловатая, как у подростка, ни с чем не считающаяся непосредственность Настя хороша тем, что оттеняет искусственность, внутреннюю и внешнюю «сладковатость» Косенина, актрисы и в жизни и на сцене, плохой актрисы и плохого человека.

Поп Лаврентий ненавидит своего сына Луку, он от него записывает дочь Косенину, но и ее он не любит, во всяком случае, невольно ставит. И он прав в Косенин распал личности зашел дальше и прервал более отвратительные формы, чем даже в Луке.

С. Фадеева отлично поняла роль Косенина и прекрасно играет ее, как злою, себлюбивую, неискреннюю даже с собой, плохую провинциальную актрису. Муж рвет с нею, брат должен бежать, вся ее жизнь рушится, но Косенина не может вырваться из-под власти штампа, она прижалась в угол, у окна, она «играет» какие-то мазохистские, какие-то куски роля, — так «полагается» говорить...

Волки уничтожают друг друга. Даже Лаврентий омерзительн Лука. Отец гонит сына на смерть. Лаврентий — Н. Светловский страшен, когда благословляет сына на самоубийство. Н. Светловский кружится, но не по-смертловски. В Лаврентий, как его изображает Н. Светловский, есть нечто от горьковского Луки. — таким был бы в наши дни этот лукавый утешитель, враг, а не друг людей.

Заглавная роль «волка» Луки Сандукова написана так, что он очень мало действует, а его «спирит» окружающие... В исполнении Г. Коровяка внутренний мир Луки перед нами не раскрыт.

СЦЕНАРНЫЙ СОВЕТ

При председателе Комитета по делам кинематографии образован сценарный совет в качестве совещательного органа. В состав совета вошли писатели — Во. Вишняковский, П. Павленко и А. Фадеев и кинорежиссеры — В. Пуловкин, М. Ромм, И. Трауберг и М. Чухраев.

На рассмотрении сценарного совета уже поступило 16 литературных сценариев: «Человек правды» Е. Виноградовой, «Дружба» С. Довлатова и К. Лордкипанидзе, «Врат героя» Л. Касселя, «Первая конная» Во. Вишняковского, «Миллиардерша» А. Авдеенко, «В поисках радости» П. Панферова, «Доктор Калмыкин» Ю. Германа, «Рубиновые звезды» А. Ржешевского, «Марта» В. Охременко и другие.

Б. ЭТИНГИН

РОМАН О ПЕРЕХОДНОМ СУЩЕСТВОВАНИИ

Заметки об «Изгнании» Л. Фейхтвангера

Советский читатель любит Фейхтвангера по-настоящему и потому несколько ревниво. Писатель испытал на себе эту ревность и возмущенно писал о том, как персонажи его вещей стали живыми людьми, за которых ответственен автор, создавший. Ему приходится отвечать за поведение своих героев, и далеко не всегда в этих случаях возможно было «спрятаться за вымысел».

Было ясно, что в первом большом произведении, написанном после поездки в Советский Союз, читатель увидит новые явления в творчестве Фейхтвангера. Чувство авторской ответственности неминуемо должно было привести к своему новому отношению к материалу.

В незавершенном еще романе «Изгнание» это новое отношение видно. Нарушены многолетние фейхтвангеровские традиции. Поколеблен самый принцип исторического романа, как его понимал Фейхтвангер.

Писатель никогда не скрывал того, что его исторические романы являются лишь «частью жизни во времени» — средством отвлечения внимания от мелочей сегодняшнего дня. Живые проблемы современности переносились в прошлое, чтобы на историческом материале они выделались более ярко.

Иллюзия отдаленности обусловливала прежде отношение художника к материалу. Расстояние помогало субъективные чувства мастера и создавало тот элегантно-холодный, который появлялся при изображении отрицательных персонажей в романах Фейхтвангера. Такая нейтральная позиция казалась писателю наиболее выразительной. Она стала для него необходима. Фейхтвангер накладывал исторический грим даже на романы о современности. Все помнят исторические вставки в романе «Уопех», блистательные по форме, но органически не связанные с телом произведения.

Фейхтвангер выступил против фашизма задолго до прихода Гитлера к власти. «Уопех» написан десять лет назад. Фашизм был в ту пору для Фейхтвангера главным образом олицетворением всеобщей духовной глупости. И все-таки в «Уопехе» дан поразительный по верности политический анализ.

Участие в антифашистской борьбе помогло многим писателям освободиться от традиционных замкнутых «кругов» и «комплексов».

Отношение к материалу Фейхтвангера отдаленное, но долготерпеливое привычной творческой манеры. Это в особенности сложно для Фейхтвангера, у которого творческое и мировоззренческое так тесно переплетены. Издержки произвольства в переломном произведении неминуемо должны быть больше, чем в ordinarily. Фейхтвангер отказался от привычной отдаленности по отношению к материалу. Он стоит в гуще материала, ибо пишет о сегодняшнем дне. Именно поэтому так изобилует последний роман большими и небольшими деталями. Их очень много. Не все они имеют равные права на присутствие в книге. Вероятно, в последующих изданиях Фейхтвангер «рационализировать» многие из них. Но они не мешают видеть главное.

А главное — это чувство переходности. Фейхтвангер — писатель XX столетия — века империалистических войн и пролетарских революций. Социальные революции определяют собой эпоху времени. Это давно уже понимал историк Фейхтвангер, и чувством больших перемен наполнены были все его романы. Переход-

ность XX столетия переносилась писателем на эпохи прошлого. Возрождение и средневековье стилизируются в книге «Безобразная героиня»; увлечение немецкого феодализма мы видели в «Еврее Уопехе», но точная культура отступает под натиском Рима в романах об Иосифе Флавии.

Великое размежевание, которое внесла в мир Октябрьская революция, тоже отражено Фейхтвангером. Недаром утрачен знаменитый баварский покой и уют в романе «Уопех», недаром терпит крушение многочисленный род Опенгеймов. Герои Фейхтвангера всегда рвут со старым и мучительно трудно осваивают новое.

В «Изгнании» все это обострено до предела. Люди, кровно и прочно связанные с Германией, не узнают больше лица своей страны. Вооружены привычные понятия. Рухнул устойчивый быт, а с ним и казавшееся вечным благополучие. Умер старый уклад жизни, привычек, мировоззрения. Он уже никогда не возродится, ибо меняется мир, ибо в мире лицом к лицу встретились социализм и фашизм, и нельзя уделить, находясь между фронтами. Этим людям предстоит жить вместе со старым миром и «сумрачными гостями» бродить по земле, или же пройти к освобождению через смерть и стать хозяевами освобожденной земли. Именно об этом написано роман «Изгнание»; слова Гете о возрождении через смерть поставлены впридачу к нему.

Умер был многолетний профессор музыки, композитор Иосиф Траутвейна, фамильярно именуемого Зепи. Он покинул страну, которая по праву могла бы им гордиться.

С приходом фашистов к власти «нарушена гармония мира», и кому же, как не музыканту Траутвейну, бороться против фашизма оружием совуачий и гневных слов? Но для того, чтобы бороться успешно, нужно убит в себе прежнего благополучного профессора господина Иосифа Траутвейна. Это нелегко сделать в сорок шесть лет. Но они дьявольски упрямы, эти монжонцы. Именно потому, что это так трудно, нужно довести это до конца. И профессор Траутвейн умирает. Остается яростный публицист и композитор, уже недовольный своей доселе созданной музыкой.

Раула Шассоффер и Гарри Майзеля. Эти герои, каждый по-своему переживая процесс распада. Пустой и ничтожный Рауль идет успеха и в своих подвигах воплode закономерной приходит к полному. Та- лантливый, но не очень нужный на этой земле, Гарри Майзель тонко чувствует на- выржимости и переходности времени. Он импровизировал на фашистской Германии, но это не означает того, что он — антифа- шист. Он предпочитает дешевой иронии по адресу антифашистов. Он гибнет, и га- бель его столь же случайна, сколь и ва- жно важна, ибо это плач истории.

От старых приемов Фейхтвангера осталась его манера изображения врагов. Он смотрит на них пристрастным научным взглядом, и не сразу можно угадать во внешней величавой внимательности пре- вращение и ненависть. Именно так нарисован портрет (один из интереснейших в романе) фашиста-карьериста Фриха Визе- рера. Не так давно он руководил демок- ратической газетой. Утягивая обстоя- тельно, он поклоняется богу успе- ха и готов приносить ему любые жерт- вы. Здесь возникает как бы парадокс: ра- рация на мотив оправдания предатель- ства в «Иудейской войне». Трудно было согласиться с доводами Фейхтвангера в пользу ренегатства Иосифа Флавия. Приме- нить эту концепцию к фашисту Визеру, Фейхтвангер сам произносит решительный и верный приговор над ней.

Надолго запомнится образ издателя антифашистской газеты, еврейско-немецко- го капиталиста Луи Гинтольда. Он решил назвать антифашистскую газету во имя бога людей. Наркиса, так страдалки от фашистов. Но бог господина Гинтоль- да — это контрагент, которого нужно ублажать и в то же время обманывать. Земные интересы Гинтольда требуют мира с «архидьяволами»-фашистами. И после долгого торга с богом издатель принимает меры к изменению тона своей газеты. По- ходит он направляет прежде всего против Зепи Траутвейна — самого воинственного из сотрудников газеты. Тут нет вымысла. Именно так было с газетой «Паризер та- беллетт».

Здесь нет места говорить о множестве второстепенных персонажей первых двух книг романа. Все они живут переходной, все оторваны от привычной почвы. Фейхт- вангер показывает, как все они проходят через пробу на стойкость, и выдерживают ее лишь те, кто действительно сделан из благородного металла.

«ЮВЕЛИРЫ»

Конференция героев книги А. Кузнецова

Ярославское областное издательство недавно выпустило из печати книгу А. Кузнецова «Ювелиры». В художественных очерках автор рассказывает о прошлой и настоящей жизни ярославских ювелиров, о чудовищной эксплуатации кустарей прислами и промышленниками.

Книга А. Кузнецова вызвала живой интерес в Ярославском районе, Ярославской области. Состоялись коллективные чтения книги по цехам промколхозов, в избах-читальнях, школах.

Идя навстречу желаниям колхозников, Красносельский райком партии решил устроить конференцию читателей книги «Ювелиры».

6 мая, в дождливый день, конференция, зал кинотеатра в с. Красном был переполнен. Пришли не только читатели книги «Ювелиры», но и ее герои, о которых рассказывается в очерках — колхозники В. Агеев, М. Христов, В. Мясников, А. Сорокин, И. Смирнов, А. Томаков и многие другие.

Колхозники-ювелиры тепло встретили автора А. Кузнецова, прочитавшего на собрании несколько глав из своей книги. Затем состоялось обсуждение очерков.

— Прожил я на свете 58 лет и только под старость узнал радость, — возмужаво сказал А. В. Томаков. — Который был прежде над промисел. И правду рассказав об этом товарищ Кузнецов в своей книге. Взять, к примеру, так называемые «сидки». Сиджали нас прислами, а потом договорами казальными ошутывали. Наши руки забрала барышши, особины строили...

Книга Кузнецова вооружает нас, и особенно нашу молодежь, ненавистью к проклятому прошлому. Она говорит, эта книга: смотрите, как жили наши отцы, как они мучились. Ваша жизнь иная... Берегите эту новую жизнь!

Интересную речь произнес один из героев книги — В. А. Агеев, выдающийся художественным цехом Подольского промколхоза.

— Все на моей памяти. Черное бы см. «Литературную газету» № 19.

ло время. Не забуду, как мучительно работал и на прасла за 13 рублей в год. Хотелось учиться, но где там! Мастер Рубцов обучил меня тонкостям веприного труда. Изобрел Рубцов, по моему, редкий брелок «золотая рыбка». Нарасхват стали раскупать брелоки. Метал мастер поправить свои дела. Думал я, что и мне толка переналет... Не тут-то было! Улыбла «золотая рыбка», по обыкновению, в лапы присолов, выведали они «секрет» мастера. И остались мы с Рубцовым ни о чем, у разбитого корыта, точь в точь как в пушкинской сказке.

А сейчас? Нельзя даже сравнить несравнимое. Вот, дочь у меня есть, — учительница работает. Это у кустаря-то! В редком доме нет сейчас синового или дочерей со средним и высшим образованием. Ремесло наше веприное процветает. Таланты растут и нет между вепирами «секретов». Поможем мы друг другу, соревнуемся. Готовы и сейчас новую «золотую рыбку» изобрести — будет она лучше прежней.

Обстоятельный разбор книги сделал на конференции учитель Красносельской средней школы А. Романов.

— Книга «Ювелиры», — заявил тов. Романов, — имеет большую познавательную ценность. Однако ценность книги воароса бы еще больше, если бы автор так же ярко показал настоящую жизнь колхозников-ювелиров. К сожалению, сегодняшний день веприного промысла дан в книге поверхностно. Автору непременно нужно доработать книгу для второго издания.

Выступавшие вслед за этим И. М. Смирнов, А. Усов, М. Христов, А. Фролов и другие товарищи поддержали мысль тов. Романова. Они поделились с автором рядом новых интересных фактов из жизни красносельских ювелиров, в частности рассказали о героической борьбе кустарей за установление и укрепление советской власти в с. Красном в первые годы революции.

Читательская конференция затанулась далеко за полночь.

В. СМЕРНОВ.

Ярославль.

По советской стране

страницы

АРМЕНИЯ.
Госиздат Армении выпускает к 125-летию М. Лермонтова сборник его поэм и стихотворений в переводе Садатяна («Демон»), Туманяна («Мцыри»), Цатуряна, Иоанисяна и др. («Коммунист»).

КАЗАХСТАН.
В Северо-Казахстанскую, Восточно-Казахстанскую и Павлодарскую области выехала из Алма-Аты бригада для записи песен. В составе ее писатель Д. Бржевецкий, композитор В. Еракович. Бригада собирает также материалы для биографий актеров Абая, Бадур-Шолака, Барджана, Асансыра, Манхур-Жусупа и народных композиторов. («Казахстанская правда»).

НРЫМ.
Авторство поэмы о Тугай-бее, участнике борьбы Богдана Хмельницкого с польскими панами, приписывается татарскому поэту XVII в. Джану Мухамеду. Рукопись поэмы, найденная в 1925 г. в деревне Капсихор (Судакский район), снова затерялась и только на днях вновь найдена в одном из колхозов Караусуобазарского района. Поэма рассказывает о походах украинцев и крымских татар, о быте и нравах на Украине и в Крыму. Поэма о Тугай-бее делится на 17 глав, имеет 1920 стихотворных строк. Рукопись написана тушью на пергаменте. («Красный Крым»).

ТАТАРИЯ.
Поэт Ф. Бурнаш закончил перевод «Евгения Онегина» на татарский язык. Татинца предполагается выпустить книгу в текущем году. («Красная Татария»).

ТУРКМЕНИЯ.
В текущем году в республике будет издано свыше 200 книг туркменских, русских и иностранных писателей. Переводчик Фетов Союбберди заканчивает перевод «Клеба» А. Толстого. Меред Сагиев переводит четыре книги Ромэн Роллана («Жан Кристоф», «Чайнаев», «Фурманова» и закончил перевод книги А. Барбюса «В огне»). Ям Бердыев заканчивает перевод «Обломов». В ближайшее время выйдут на туркменском языке произведения Некрасова, Новикова-Прибоя, Серафимовича. («Комсомолец Туркменистана»).

УДМУРТИЯ.
В союз советских писателей Удмуртии приняты писатели Ц. Чайников и Бор-Рамонский. Первый из них является автором двух книг стихотворения, а сейчас Ц. Чайников готовится к печати свою новую книгу — «Яратон» («Любовь»).

Тов. Бор-Рамонский, автор повестей и рассказов о жизни Прикамья, закончил роман «Рамень». («Удмуртская правда»).

Новый «Кобзарь»

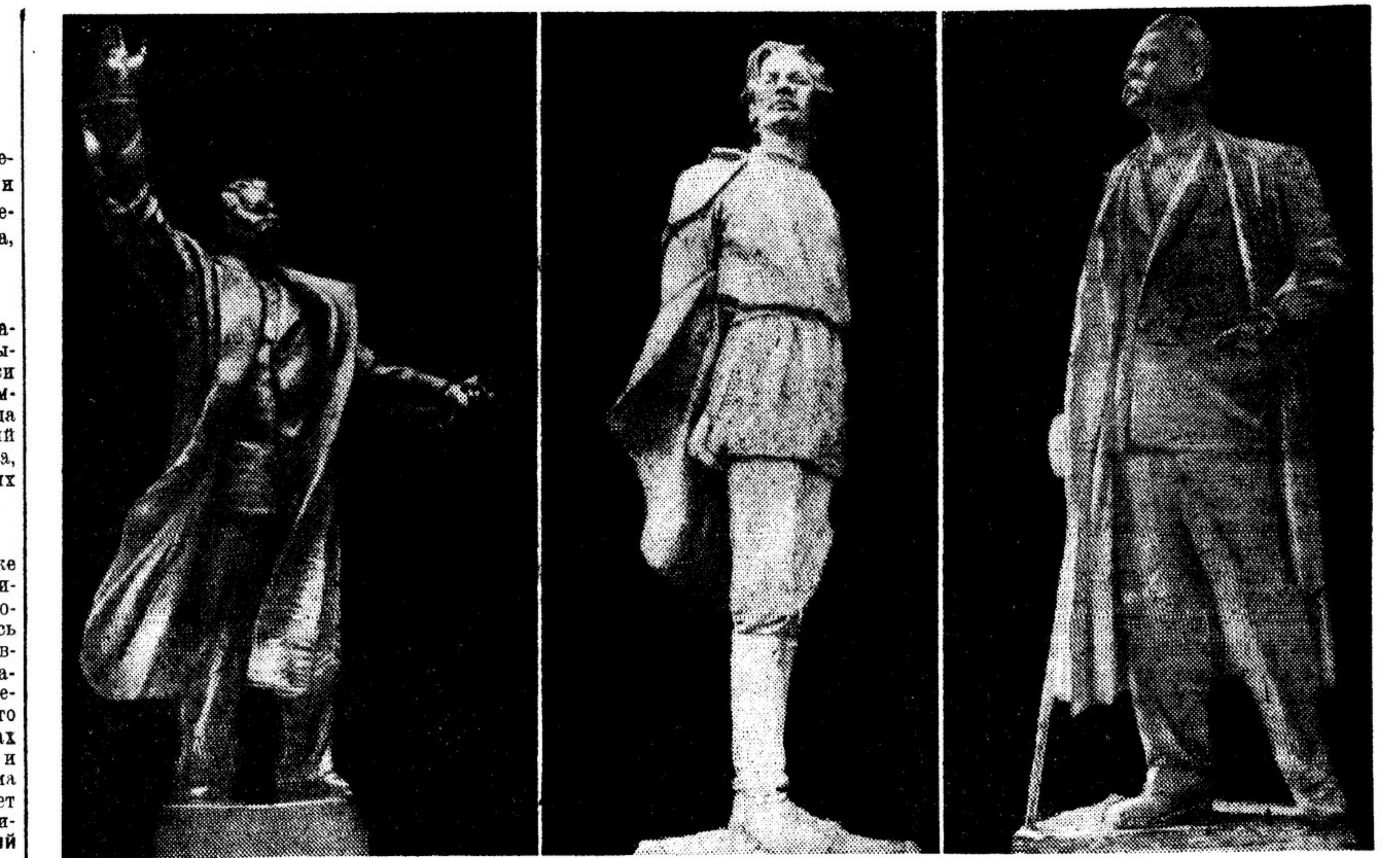
КИЕВ. (От собственного корреспондента). Почти на всех языках народов Советского Союза вышли к 125-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко произведения великого украинского поэта. Впервые полностью переведен на русский язык «Кобзарь». Благодаря большой плодотворной работе советских поэтов, участвующих в переводе «Кобзаря», прекрасные стихи Шевченко стали широко известны в нашей стране.

Вплоть до последнего стремления Госиздата выпустить произведения великого поэта к его юбилею привело к тому, что издание носит на себе следы некоторой спешки. Не все переводы сделаны одинаково хорошо, некоторые из них недостаточно точно передают смысл строк поэта, иные не соответствуют ритмическому строению его стиха. Все эти недостатки переводов должны быть исправлены в новом издании «Кобзаря», к подготовке которого решено приступить теперь же. Гениальные творения Шевченко должны найти адекватное выражение в русском переводе.

Русским поэтам также предстоит большая и интересная работа по переводу классиков украинской литературы Леси Украинки, И. Франко и других.

Обо всем этом говорилось на совещании переводчиков, редакторов русского издания и шевченковедов, состоявшегося 9 мая в Союзе советских писателей Украины. Для того чтобы все вопросы, связанные с переводом классической украинской литературы на русский язык, были всесторонне обсуждены, решено разрешить широкую дискуссию на страницах «Литературной газеты», а в конце мая — совещание переводчиков и шевченковедов, посвященное переводам с украинского языка.

Е. ПЕЛЬСОН

Большинство представленных проектов относятся к г. Горькому, где памятник великому писателю будет установлен на холме при слиянии Оки и Волги, против моста через Оку. Многие варианты предложены в Москве и Ленинграде. Один из участников конкурса И. Шадр создал два проекта — один для Горького, другой для Москвы.

Проекты дают очень разнообразную трактовку образа А. М. Горького, не связанную у ряда авторов с каким-либо определенным периодом жизни писателя, а выражающую ту или иную черту его духовного облика.

Значительная часть проектов, в особенности для г. Горького, рисует образ писателя в молодости, в нижегородский период его жизни.

Общественный просмотр проектов памятника А. М. Горькому предполагается организовать очень широко. К обсуждению проектов будут привлечены писатели, стаяновцы, пионерские кружки советской интеллигенции.

Просмотру проектов будет посвящено одно из ближайших заседаний художественного совета при Всесоюзном комитете по делам искусств.

На снимке: проекты памятников Горькому. Слева — проект Меркурова, в центре — Мухомин, справа — Шадра.

Фото Струкова.

ПАМЯТИ

Б. В. ОЛЕНИНА-ОЛИФОНА

11 мая скоропостижно скончался писатель Борис Владимирович Оленин-Олифонт. Первые литературные работы его относятся к 1912 г. Перу Оленина принадлежат две книги стихов: «Росткивая флейта» и «Геммы». Выступал он также в качестве балетриста. В годы после Октябрьской революции Оленин создал своеобразный жанр повел, которые «родились сами».

Внимательно приглядываясь ко всему многообразному, новому, создающемуся в нашей стране, он отбывал наиболее яркие факты, записывая наиболее интересные и характерные диалоги, которые ему приходилось слышать в различных частях нашей родины, и превращал эти факты, эти диалоги в краткие выразительные повелы.

Насколько интересным оказался этот жанр, можно судить хотя бы по тому, что повелы эти печатались в самых разнообразных советских изданиях: журналы «Октябрь», «Интернациональная литература», «Огонек», «Смена», «30 дней», в «Литературной газете», «Вечерней Москве», «Советском искусстве» и многих других.

Ряд повел Б. В. Оленина был переведен на иностранные языки. Последнее время он задумал новый цикл «Биографические повелы», в которых хотел показать наиболее интересные факты из жизни великих людей.

Преждевременная смерть вырвала из наших рядов хорошего товарища, чуткого человека, способного писателя, умевшего распознавать новое в жизни нашей страны и просто рассказывать об этом советскому читателю.

А. АБРАМОВ, Б. БАРАТОВ, ЕВГ. БЕРМОНТ, С. БИРМАН, В. БОБРЫШЕВ, Э. ГАРД, С. ГЕХТ, Б. ГИМЛЬФАРБ, А. ДЕЙЧ, Н. ДОРОШЕВИЧ, М. ЖИВОВ, В. КИПРЕНСКИЙ, Е. МИЛЮТИНА, Л. ПАСЫНОВ, Н. РОСТОВ, Г. РЖАНОВ, Л. СЛАВИН, К. СЛОНОВА, А. ТАЛАНОВ, Е. УРАЗОВА, И. УРАЗОВ, И. ЭЛЬВИН, О. ЭРБЕРГ.

ХРОНИКА

12 мая группа писателей, участников шевченковского пения, в составе Ираклия Абашидзе, П. Антокольского, А. Бельманского, С. Головановского, А. Головова, В. Гольцева, В. Долгановского, К. Калладзе, Л. Первомайского, посетила родину Тараса Григорьевича Шевченко. В селе Шевченково (бывшее Кирпильково) и Моринах состоялся митинг.

На Дальний Восток приехали члены Дальневосточной комиссии Союза советских писателей В. Лапин и З. Хавревич.

В Хабаровске, Владивостоке, Ворошилове Лапин и Хавревич провели беседы и творческие консультации с местными писателями и поэтами.

Недавно в клуб писателей состоялся творческий вечер поэта Александра Поморского, в связи с тридцатилетием его литературной деятельности.

На вечере с докладом о жизни и творчестве Ал. Поморского выступил т. Ф. Кош.

Боев Н-ской воинской части Северо-Кавказского военного округа Павел Приходько написал повесть о советских музыкантах. Повесть принята ростовским областным книгоиздательством для альманаха начинающих писателей.

В связи с 120-летием годовщины со дня основания Ленинградский университет организовал встречи студентов и профессорско-преподавательского состава с писателями-пятидесятилетниками университета. Состоялись встречи с В. Каверинным, М. Слоновским, И. Груздевым, В. Рождественским, А. Гитовичем.

На общем собрании писателей Татарии приняты в члены Союза писателей 21 человек. Среди них — М. Бубеннов, автор повести «Бессмертие», Хатый Усманов, автор книг «Осуф» и «Я поднимаюсь на небо», молодой поэт-комсомолец Сибгат Хакимов, критик Г. Халил.

Литературный сектор казахстанского филиала Академии наук СССР подготовил к печати второй том полного собрания сочинений классика казахской литературы Абая Куналбаева. Во втором томе помещены проза Абая и его переводы из русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Крылова.

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ

Письмо в редакцию

По решению Комитета по делам искусств организован Московский театр оперы. Задача театра — обслуживать Москву, а также крупные центры СССР, в которых нет постоянного оперного театра.

Открытие театра состоится в середине июля. В репертуаре театра на 1939 г. оперы «Поднятая целина» И. Дзержинского, «Фауст» Гуно и «Золотой петушок» Римского-Корсакова.

В номере «Литературной газеты» от 26 апреля напечатана речь А. Гурвича на совещании в Союзе писателей по вопросам литературной критики. В речи этой А. Гурвич, между прочим, сказал следующее: «О «Маскараде» Мейерхольда была написана статья весьма квалифицированным критиком Юзовским для «Известий», она не была напечатана.

Я написал об этом же статью для «Правды». Статья была одобрена и не напечатана».

Речь А. Гурвича сообщает, что это заявление А. Гурвича не соответствует действительности. Статья А. Гурвича о постановке «Маскарада» не только не была одобрена редакцией «Правды», а, наоборот, была забракована, о чем автору было известно.

РЕДАКЦИЯ «ПРАВДЫ».

В «Литературной газете» № 13 опубликовано письмо группы карельских писателей о работе правления Карельского ЦСР, Каргосиздата и Карельского научно-исследовательского института культуры.

Общее собрание членов и кандидатов ЦСР Карелии обсуждало этот материал. В принятом решении отмечено, что некоторые факты в письме освещены неправильно. В частности, признано неправильным утверждение, что «Каргосиздат, правление ЦСР, Научно-исследовательский институт культуры не занимаются ликвидацией последней вредительской и что «научно-исследовательский институт не вел работы по собиранию и изучению советского фольклора».

На собрании было принято решение созвать совещание для обсуждения вопросов, затронутых в этом письме, посланном в обком ВКП(б), Совнарком Карелии и союз советских писателей.

Письмо за подписями 11 карельских писателей было передано «Литературной газете» заместителем ответственного секретаря ЦСР Карелии т. Н. Бабичем. После опубликования письма т. И. Кулаков, Ф. Исмаков и С. Ногин сообщили, что они это письмо не подписывали.

Редакция приносит свои извинения этим товарищам.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОИТИНСКАЯ.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ (Сокольники, Ростокинский пр. 13/а)

ОБЪЯВЛЯЕТ О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

28 мая в 6 часов вечера на открытом заседании совета на соискание ученой степени кандидата филологических наук:

ВЕРЦМАН И. Е. — «Лоренс Стерн».

Оппоненты: проф. Морозов М. М. доц. Иващенко А. Ф.

МАТВИЕНКО В. П. — «Островский и драматургия 80-х годов».

Оппоненты: проф. Егоян А. М. проф. Нейман Б. В.

На соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук: ВЕЙМАРН Б. В. — «Искусство Средней Азии VIII — XV вв.», Оппоненты: проф. Денис Б. П. проф. Павлов В. В.

ЛИТЕРАТУРА

АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА

№ 5-6 журнала «Интернациональная литература» (русское издание) посвящается американской литературе и культурным связям СССР и США. (в отрывке всемирной выставки в Нью-Йорке).

В журнале печатаются последние роман Энтони Снеллера «Малая сталь», новеллы американских писателей А. Мальба, Л. Хьюза, Э. Колдуэлла, а также стихи американских поэтов (в частности большая поэма А. Дюма-сына «Страна свободных» в переводе Ив. Кашкина).

Впервые на русском языке журнал публикует «Залискую книжку» Марка Твена. Большой интерес представляет биография Джека Лондона «Морак в седле», написанная американским писателем Ирвингом Стютом. Современной Америке и американскому народу посвящена статья известного американского критика Гренвилла Хакса «Я люблю Америку».

В отделе «Теория и критика» помещены: статья А. Старцева «Америка и русское общество», новая работа Ив. Кашкина о Хемингуэе и статья Ал. Абрамова «Передовая литература современной Америки».

Среди «Писем из-за рубежа» отметим корреспонденции М. Каули «Лига американских писателей», О. М. Графа «Немецкие писатели-антифашисты в США», А. Шнейдера «Советская литература в США», Д. Платта «Новые американские кинофильмы».

ГАСТРОЛИ ТЕАТРОВ СОЮЗА В МОСКВЕ

В мае в Москву на гастроли приедут ряд театров Советского Союза.

16 мая в помещении Камерного театра спектаклем пьесы А. М. Горького «Дачники» начнутся гастроли Ленинградского Большого драматического театра имени Горького.

Харьковский драматический театр им. Шевченко будет давать гастрольные спектакли в помещении МХАТ с 20 мая по 6 июня. В репертуаре: «Богдан Хмельницкий» и «Правда» Корнейчука, «Дядька Сердцу волд» — заведет в неволю Крапивницкого, «Навар Столопа» Шевченко, «Жена Клода» А. Дюма-сына. Художественный руководитель театра заслуженный артист УССР М. Крушельницкий.

Денис Давыдов называл однажды Н. М. Языкова: «Смотри, чур, не забыть меня после жизни моей... Я уже некогда говорил о том Вяземскому, Пушкину и Баратынскому, говорю и вам о том же: напишите тогда общими силами несколько мю... Шутка в сторону и на в похвалу себе сказать, а я этого стою: не дай война и поэт исключительно, но как один из самых поэтических лиц русской армии».

Когда Давыдов писал эти строки, он, в сущности, давно уже стал литературным героем в глазах своих современников. Давыдов, пламенный боец, Он вихрем в бой кровавый; Он в мире счастливых певец Вина, любви и славы — в этих словах Жуковского выражено традиционное представление о поэте-партизане, сложившееся у двух поколений его современников, — поколения, к которому принадлежал сам Жуковский, и поколения Пушкина, Языкова, Баратынского. Давыдов был для них «Анакреон под доломаном» (Вяземский), «паевидный чудым» (Пушкин), «буйной и умной головой» (Грибоедов), «питомцем муз, питомцем боя» (Баратынский), «певцом лилги и сладкогласным меча, флага и любви» (Языков).

Не только поэты, но и живописцы потрудились над тем, чтобы передать потомство романтический облик Давыдова. Искать кипарисового и караялского Эрловского впечатлительна на холсте и на бумаге тот же поэтический образ, который сложился в союдаиях литературных современников Давыдова. Последний же мазок кисти в этом литературно-художествен-

ПРИОБРЕТЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книжные фонды Государственной центральной библиотеки иностранной литературы обогатились в течение первых четырех месяцев 1939 года новыми значительными поступлениями из Западной Европы и Америки. Получено более тысячи томов: новые издания классиков марксизма-ленинизма, ряд новинок художественной литературы, книги по литературоведению, искусству, языковедению, универсальные и академические справочники.

В связи с ознаменованном 375-летия со дня рождения Шекспира библиотека получила 13 монографий о Шекспире, в том числе двухтомник Райли — «Критическая история шекспироведения», — представляющий собой обзор английской, французской и немецкой критической литературы о великом писателе за период с XVI века по 1925 год.

В фонд современной художественной литературы поступили книги Хемингуэя «Иметь и не иметь» и «Плата колоды» и первые 49 рассказов; Поля де Крюа «Ворота за жизнь»; Ричарда Райта «Дети джунглей»; Эркина Колдуэлла «Нравы юга» и «Взгляды на лица»; Альберта Мальца «Какое положение вещей»; Гренвилла Хакса «Я люблю Америку»; сборник стихов Лэнгтона Хьюза «Новая песня».

Англистские писатели младшего поколения, принадлежаме к так называемой «Оксфордской группе», представлены произведениями Стювена Снеллера, Сесиль Дэй, Льюиса и Олдана. Немецкая литература представлена романами Томаса Манна, Генриха Манна, Клауса Манна, Лиюна Фейхтвангера, Курта Кестена, Виги Баум и других. Интересен сборник «Писатель в изменяющемся мире», содержащий выступления на втором конгрессе американских писателей в 1937 году. Фонд оригинальных изданий скандинавских классиков пополнен собраниями сочинений Ибсена, Вьернсгора, Якобсена, Стриндберга и Ванга.

Раздел истории литературы получил «Историю литературы скандинавских стран» (на английском языке), краткие истории голландской, швейцарской, русской литературы (на французском языке) 25-томную антологию швейцарской литературы «Национальная литература Швейцарии» 1800—1900 и издавшую в 1937 г. в Барселоне двухтомную «Историю испанской литературы» П. А. Вальбуэна.

Ц. П. Н.

Литературная газета № 27

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. К 4-46-19 и К 4-34-60, ИЗДАТЕЛЬ: издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездиновский, 10.

Уполн. Главлита Б-1455

Типография газ. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 80.